

Перламутра отросты на теле теринском

Я родился от неблагочестивых родителей. Вероятно, теперь я есть взрослый человек: осознание и сам толк необходимости одного приходит мне только сейчас, когда и само размышление о том скорее постыдно и смешно, когда априорные положение есть априорные положение, что ещё не успели пошатнуться полагающейся же в слабости человека того несостоятельностью своей: мне двадцать четыре года: сегодня год семи тысяч и пятисот двадцати, и явление одиночества ноне не треплет мои стрезвлённые неуспеванием, слабостью и поверхностностью деланного тела, ибо последний год молодого специалиста моего даётся довольно непросто: несмотря на привычие к технике содеянного, наступает теперь именно лежащееся ядом расслабление по происходящему: чтобы чувствовать себя хорошо, мне теперь необходимо довольно спать, а голод действительно на что-то влияет; так, жизнь моя сейчас наименее тягостна и наиболее весела и должно радостна, да отчего-то не чувствую я ни того, что пришёл к чему-то, ни того, что рад хоть наличным: я решительно ничего не чувствую, и бесчувствие это будто даже хорошо: единственным из обрётённого стало спокойствие: то, страхом чего себя многие укалывают и что являет самые малоинтересные виды совне; теперь я, вероятно, понял, чем является профессия и образование: примерно с двадцати лет я словно начал затухать, я видел всё меньше хорошо и мог содейть одно худшее: в сравнении с подростковым возрастом я стал недеятельностным спокойственным стариком, чьи дела продолжались после пробуждения и не заканчивались сном, и то никак не звучит странно, да ребёнком я ощущал всё совсем иначе: каждое внешнее воздействие открывало собственность мира своего, и от каждой эмпирики приходилось подолгу сщущать прочие следствия: сейчас объяснение этого даётся с трудом и будто дурно, однако тогда всё это было частью моей жизни: не было в этом ни надумывания, ни лжи, ибо тогда я действительно жил: я страдал и болел, впрочем, как и все люди, и в немощи этой появлялось величайшее впечатление: впечатление, чей облик способен состязаться с привязанностью к близкому человеку даже и в свою пользу; лицо моё вправду чуть округлилось, огрубело и стало почти некрасивым: бриться не каждый день я более не могу, и принял я это вполне должным: кажется, я многое принял подобным: тем, в чём ранее рассмотрел бы только слабость, в ответ на обнаружение которой сейчас бы, в сердцах же находя одно молчаливое стыдливое согласие, засмеялся; мгновением взрослый человек гораздо глупее и слабее ребёнка, и создаётся овение, будто все это понимают, тайно побаиваясь потенциала и честности ребёнка; безвыходные рассуждения эти обратили меня к себе во время засыпания: восторжествовав, хороший режим сна награждает тебя часто и неспособностью заснуть сразу: поперво на то влияла одна недостаточность

усталости, но по прошествии ряда экспериментов пришлось признать: видимо, так я буду мучиться всегда; в одном из отстоящих ранее от людных городских заселений и находящихся теперь в самых неприглядных приближениях к новостройкам домиков я снимаю небольшую уютную комнатку: склонившаяся частью крыши стена слева деревяною пряностью редких, не облитых привычным тёмным сладковатым лаком заусенцев охраняет небольшую одноместную скрипучую кровать мою, и я случайно открываю глаза: в прозябавшей горестию сположения прочних существований однооявленных пестрою рябостию чуть схватывающихся рокотливым шипящим шёпотом еле сворачивающихся положенностей комнаты моей плохоосвещённых пребиваний сосушивающегося отдаления реальных в узористых дымках витийственного тканью преломляющихся свёртываний власных удобств бособленной наготы человеческих плотий греха того опорядоченности смыкающихся пиохеиевых грибоватых осъединений впрямляющихся свистом рвущихся подле откания бурдового ужаса чернотных свисающих же отловений угловатых stravлений вопиянного кивлением срастающихся отбоев металлических чешуйчатых безвеких, прохудившихся смертью радужных глорианов ото блещения станových лакрималисовых ождествий побивающегося перламутрового света лиц вопля мышц суставностей пепла темноте: я смотрю к двери, что отстоит к коридору: я был и есть единственный, кто согласился на комнату с дверью, что включает в себя и стеклянные составности: я открыл глаза, и в покрасневших опухших пятах моих отразилось белое голое бесполое, вставшее с обратной стороны двери и смотрящее на меня гигантскими по меркам человеческого глазами и широко раскрытым ртом тело; в комнате слеживалась же абсолютная тишина, и усилившимся стуком теперь ударяющего в голову сердца я постарался заснуть: кажется, в представлении невозможных ужасов я провёл около часа, после чего заснул: в час этот я отгонял от себя страшны мысли и образы то молитвой, то дерзновенным внутриголовым порицанием этих чудовищ ото главы собственной; проснувшись, я уже ни о чём не помнил.

Подстрекающая глушь глумливых сослипаний век моих воспалённых острыми клиньями проходится подле бежеватых тёмных морщин поддающихся велеречивостью простаивающегося утренностью вдавившегося освечения пригладившей плотия мои содирающиеся тяжёлой, отходящей вливающимся густотой чёрной, выходящей сбивающей височные те осмеления совершенства надеяний и неспособностей преломить сторонние уточнения духов данностных щеплений безвесых и однотелых дугой крови эхом крыши звона проплешин, и остывшие колом боли глаза раскрываются в едком свете моей комнаты: умбрового оттенка старая, слипающая с себя многие сколы молниевых дубяных отпадений, содержащая сейчас одно ядовито блестящую на радужных лучах выходящего с улицы, проникающего во все иные плотия особливостью прочих тёмных сотворённостей света ручку

с вечно пустым, ожидающим всегда писания моего и оказывающимся повсегда пустым в том тесноватом облаке собственного же ото призрачных миражей моревых положенностей хладов укрываний простия оставленных синеватых совеченностей блокнотом тумбочка положится с левой от меня стороны, и на неё главно и падает мой приплюснутый слабостью и домоганием вполне последовательного, должного прочим означением хорошего сна и единственной, многим становящейся острашением всеоблащённого деревянного строения стремящегося книзу гридеперливого соявленного блеска выставленных вовне евленостию отгорающего свечения давления бегемотовых осменностей последовательного же и ото костей необходимости проснуться взор: я смыкаю прохудившиеся бессилием веки и нависаю надо тоностью теневых смещений овых; от минуту я делаю первое решительное, свистнувшее скрипом застоявшихся бездвижием суставов, легко ими щёлкаю и, не коснувши пола, сажусь на ударившую глухотою отременного стона старого матраца кровать и уставляюсь почти впритык к скошенному недолготою высоты потолка: шафрановые отлучистые яси спадаются к краям предметов этих, и я замутнённым прозрачием пищащего сока плотности того растения свидаю к окну: в нём привычную положенностию я не вижу ничего за обычаем одноенственных щипков даворея того, и пискливая сухость пола моим неловким переворачиванием к другой стороне кровати ударяет к ороговевшим неоощущением пятам, и я встаю в полный рост: усаые освистывания стен легко касаются меня: щёлкнув старой, едва оставшейся во властях сменения собственного, остывшейся небольшою полостью в тонких нерезковых граничиях опрочного станостью графитных сотяжений мест тамошних же одле пещрений тонкостных единственных камней ото гористой поверхности оженности сдающегося хрипотою равления тоех крика дверью дверью, я слегка придвигаюсь назад и надеваю изношенные стёртостью цветистых ослений тоевых сошедений мягкостных тапки, присвистнув головою к сбелённым грязным чернотам дома: вне своей комнаты я всегда слышу чуть ударяющий нерезким девением шум, да кого-либо удаётся увидеть только очень редко; подгнившие оощуаемою влагою тёмные половицы сдвигают мои властии, и еле одерживающие способности прочии неширокие, сдерживающие слабую боль от чуть вросшего на большом ногте небольшого воспалённого орозовения пальцы одно удерживают немоту моего неумирания поместного: я иду к туалету, и дверь его лёгким, ускорившим биения свои сердцем испугом просачивает редкие седины желтоватого, иногда прощёлкивающегося привычным непостоянством света: я, убеждаясь в отсутственности в нём иных людей, едва придвигаюсь к нему: холодные плиты побитого вонючего кафеля сдавливают мои отеплевшиеся воспалением утреннего ноги, и: продолжающий едва побиваться соцветийностями прочних стяжелентй падающих застоявшейся прелостью запахов иногда встречающихся маслянистых пятен на выродившихся янтарными лужицами пластиковых тонких, редко побивающихся звуками устуков тех

шипящих обретённости шелушащихся под небесным свлечением свисающих краснотою бурдового костяного осмертении трупов отбавленных ростом способностей графитового срезья пышнот тех отчужденных расслабленностью выпавших подглазевых чернот и островного сосмирения того свижевинея облачий материй пластинах: оторвавшиеся пряминою прямо тех руки мои напрягаются, и я выхожу: неторопливым щёлканьем приходится выключить свет, оставив небольшую, всё же недостаточную прохождению свои неё, например, той же кошки одних из моих соседей: впрочем, лоток её положится в ванной комнате, в которую я сейчас небрежным шевелением шоркающих по полу носков себя премещаю: душные былые спарения в ней после чьего-то мытья ещё остались, и смешанный с приятным ароматом геля привычный запах опревшей влаги ударяет ещё и аммиачным резким смрадом: несмотря на необязанность ту, я часто исполняю именно эту задачу: убираю за кошкой соседей, в естестве же не имея способности попросту умыться от той вони; свернув яркие жёлтые, остывающие сглублением темноты в том преливания внутри унитаза, я снова иду в ванную комнату, слыша из отстоящей предельно близко к нонешнему своему положению комнаты треск и биения того же старого ненадёжного и неудобного матраса: я услышанным стуком об подобный туалетному кафель ставлю на место едва прилившийся прежней положенностью части водных, направленных к малопродуктивному умыванию той мочи ресурсов лоток: отвердевшая иголка давно неубранного кала сделается особенною темнотою, и то я вижу последним под обшарпанной сизоватыми с ржавым плеснями той же давнишне расположенной здесь ванной в этом патиновом отсвете комнаты: замыкая чуть оставшиеся прежним жаром пары внутри ванной, я впервые смотрю на себя: потускневшее утренним набуханием лицо не выделяется особенными замученностью или привлекательностью: вероятно, я самый обыкновенный человек; смирившись с этой мыслью и не имею оттого удивления, я нарочитою ненужностью стёр подле слёзных каналов своих желтоватые ссохи, включив чвакающую внутри внешне грязного, освятого мутною пленую преждевственного опыта нежелательности сторонних крана воду: сперва льётся на обожженные тем руки мои прежняя горячая, неизменною положения принявшая облики уже ледяной: другой рукой я искусным невниманием к самому процессу пытался откалибровать температуру, так и не обнаружив продуктивного решения тому: сухие тяжёлые капли скорее прохладной воды стягались с моих непривыкших, опринявших непродолжительность гусиных сусенцев тоевых ладоней к столь же отвыкшему блеском резво дёрнувшегося аморфного тихого, уцербленно вношне оявленного неспособностью при явлении того одно должного бездвижия лицу: неловко вставшие малопродуктивную формою руки ложились к холодным теперь частям лица моего, и я подобиением подобию продолжал умывать чуть ожелевшее кожным салом лицом: несколько движений свершают должное же

оттого, и теперь смягчившиеся отдалённой привычкой подушечки пальцев моих трут несколько снимающие щеки с прочими явленностями тех; применение собственности неуместной внутри неготовности непривычки есть довольно продуктивный способ сощепления; неглядение в свои оливковатые кожи продолжается скорее ленивым, нарочито небрежным в ености же перво ответственного двойного помешательства за тем с отстоящим, подобно всем остальным предметам же быта этого, в условной доступности каждому человеку в доме этом, иногда стенённым белёсыми недолгими пятнышками фонариком бритъём тражением оформленного спецификою мутационного сращения ового; хладные одвижения лезвия медленным отрыванием щекочут мои привыкшие телеса, и оставшиеся прочными кремами ото го дены пены постепенным несвершением окончания моего тянутся вниз, и осевшая теплотою влага соливается к пресноватым укругам тех продолжительностей: второе бритъё быстрее, да куда менее пафосное и невнимательное, и точечными скосами пял своих я усматриваю прочие, иногда не сходящие и десятиричностью длин усилий тамошних несвершенства; орозовевшие бывшее краснотою капилляры ослабляют напряжение сбухшим глаз, и я, после того обыкновенным положением рук и артикуляций прочних своих накладывая нетолстые слои плотного голубоватого, отдающего вполне уместным сейчас и прочую приятностью запахом спирта бальзама, смываю с себя опавшие чёрною лёгкостью щетины и протираю лицо полотенцем; чаще я чищу зубы перед бритъём, да сейчас решилось иначе: в любом случае, окончания последовательности того никогда не было; вяжущая свежестью мятная зубная паста слегка режет полости рта, и я словно особенным соскорением обличаю нечистоту достаточностью претензии и ожеланием более то не свершать: закончив шесть положений того, я двухсекундным онемением смотрю на облившийся голубоватою пеною рот и смываю всё уже окончательно оморозившейся водой: нижняя челюсть уже едва двигается от того, да подобное свершается каждый день уже не есть нечто необычное или хоть достойное внимания; я снова вытираю оместным замечанием неуместности подобных стираний еле осевшего на рябости белого, давно уже слишённого прежней чистоты за желтизною и чернотою пятен тех полотенца бальзама и снова прильнувшими к полу плечами сворачиваюсь к двери: казалось бы, я мог увидеть сейчас соседское лицо, да фантазии о разворачивании того свершилась неоправданием; ощутив вполне ожидаемый хлад ото освобождения тех ваннных душных облак, я чуть сворачиваюсь созанием чувствий подобленных и иду далее: никого так и не встретив уже более предметным хладом остывших телес и привычным чувством дискомфорта, я скрипом оказавшейся здесь же незакрытой двери проникаю в свою комнату; на втором этаже вторые ванная и душ, и потому особенных проблем с очерёдностью нет, хотя того я будто и ждал; за те непродолжительные, осевшие во мне скорее звестняковой невнимательной тяжбиной ущрение тоего песочного пола мгновения на улице стало светлее,

и истёртый особенно монотонными оцветиями одного местами хозяйский зеленоватый небольшой, размещённый совсем близко к стоящей от меня сейчас в противоположной стороне комнаты ковёр светился желтоватыми шерстяными ударами золотистых, сдвигающихся единственной грядой способности единоозначенного в том испарений над ним, и в туманы прочневидного я наступил своими освежившими внешне внешестями: непродолжительное несдвигение уподобленного застоялось в продолжающем игнорировать собственность скорее по блажи собственных дерзновений уме моём, отчего с несколько минут я одубевшими мешками под глазами смотрел в привычное, объявленное неизменением шорохов улицы перламутровое блестящее, огранённое пластиковыми импостами ничто: почти все вещи мои помещаются в один шкаф, и вне него комната моя озабвенно пуста, она выглядит подобной готовой к сдаче комнате, и будто я старался прийти к подобному результату, на деле же ничего непрочного не имея в виду: я всегда хотел нечто заполнить или создать, да мог одно прочитывать и освещать: я всегда был прикован к характеру явления, но не к позволяющему применить или осоздать то ядру его, и разговоры с подобными способностями отворения всегда обличали кажущуюся крайнюю глупость успешных в данном людей и мою излишнюю скрупулёзность, да только после мне становилось известно, что характеры эти обрел мой рассудок именно в желании того обретения, что на деле я великим образом завидовал и попросту не хотел принимать свою неспособность к тому: открывая сверкнувший скрипом и твёрдостью сухости той высокой рябоватой двери отрухлевший шкаф, я впринял привычный, неприятный лёгким запахом пота в рубашке же душок от всей школьной формы моей и снял пластиковую, едва съжившуюся под немощью рук моих и весов всего костюма вешалку, в зияющем свете тех звёзд откинул его на незаправленную, неаккуратно отвергнутую прочним кровать и стал сыскивать в одном из ящиков пару заранее свиденного желательностью нейтрального, еле освидевшегося сходящимися с него нежелательными нитями носка: омоловшимся чуть не отчаянием поиском я коснулся наконец материи сходного толка и лёгким скребком кожи об остроту полки снял его пару; одеваюсь я неспешно и в чём-то больновато: такая неторопливость должна ощущаться блаженством, да сотворения сходные приносить мне зудящие в суставах боли словно невоплощённого: тупые пуговицы режут пальцы, а направление ко внешнему оголяет мои отухлевшие мышцы: я лениво одеваюсь и вдыхаю последние прелости своей комнаты: один носок нарочито сбивает меня с толка своим излишним, возмутительным скорее по несимметричности чувствования подобного давлением, довольно мятая плотная дешёвая рубашка сокрывает запахи трёх полных рабочих дней, невыглаженные сероватые брюки начинают придавливать свеличивающиеся замедлением моего метаболизма бёдра, а несомкнутый пиджак положится на боках моих скорее нелепым овежением; едва ли я создаю вид ухоженного человека, да

одевание в костюм вошло в обязательность привычки; сдёрнувшиеся к боку глаза мои резво о чём-то задумались, да предмет этого чего-то сокрылся и от меня: я пытал себя слаженностью, и простота же реальности этой освежала меня своею резостью; собравши в дипломат неразобранную кучку тонких, пованивающих худобою и содержания несообразных тетрадей, я прижал к бедренной, отхрустывающей порой полостями кости куртку и вышел из комнаты; ключём от неё я никогда не пользуюсь, ибо у меня нечего воровать. Выходя из комнаты, я касательно неряшливостью и сбитой книзу головой подождал, пока кто-то пройдёт в одну из соседских дверей: людей этих я не узнал, как и не узнал, в какую комнату они всё несут, да в соответственном порядке они вносили на второй этаж дома горшки с асфоделусом, базиликом и гвоздикой.

Одровленная неправильность стронней палочной твёрдости: этот звук бьёт по мне, и образ подобной кислотной рези неоправданных становений ожидания в мгновение ставленное прочного обыкновения эклектики шапочных совершенных несовпадений одноевого тона и оболочки отяжелевших деснищевых пустовенных лаподьего высокого непоследования ожалоченного властиенностью обретшего обидою и плачем струй красной и белой шафрановооблачённым невнятием раннешнего гостения бликов сизоватых свечений: бликов сквози пастельной бурдовости той, и вопиянные источники продолжают положенностью старовых костяных хрустов: я подваливаюсь небесной ряботой, и влажные хлысты неодоленного сорывают обыкновения того смрадного омерзения от всегда положившегося рядом, вонючего гнойниками неприятия вопиянной оттоновости свечения опродолжающегося серебристого громоздения свистов овязанных десобладных выравниваний отпроникающего уколами ядовитых едких инфекционностей подобных ужасов предмета: звонким гамом рвущиеся нежные неподготовленные тонкие локоны ослабленных мышц, что сферы те срывают с себя и принимают после соевением галлюцинации оболочек-де; перливающеся перламутровою краснотою дымки пепла этого одаряются верёвочными свенениями и.

Я вдавливаю омутневшие условностью утра стопы в чуть излишне стягивающие меня туфли и произвольностью прошлого выхожу из дома: лестница ко второму этажу томним призывком соскрипывает иным содержанием, да я продолжаю нетерпеливо шоркающий по отречениям подобленного плотностью осмертенного риска стухшего трупа снега шаг: свинцовые жирные вены улицы просачиваются в мои отпотевшие теплотой неряшливо рассматривающих одлевость волос ноздри, и станущие смерзать руки интуитивно помещаются в нерасторопно одвинутый кверху сопряжением низовых куртки карман сверения отточнежного; первое содвижение обёрнутого ударом двери пёстрого сустава скользнуло по овладевшему влагою белых теплот камню, и жжённые чешуи моей кожи сопадали одле стравливающего морщинами искажения солнца: позади меня недвижною

тягостью дрожащего ужаса остался дом, и лица в нём никуда не смотрели, хотя я и видел то; оневшийся холодом дипломат я держал всё быстрее отупляющеюся влагою онемения руки болью, и в сосязании желательности действия перчатки с кармана я продолжал шевеление надо нереактирующей прямостью металлического рванья отстроенного страха: придвигаясь к оному, я сщушал один только рокот не происхождения ото любого недеяния оправленного унижением принадлежащего тебе: жизнь придвигалась, и; иногда остукивающие дерзнувшие собить излишенно робящиеся формостию решившегося в неустоенности сугробы ноги мои старались переходить высотные положения того пестротного отхождения необходимости отписывания постеростию счастья оглублинного впитывания совеления обретности тоих кровавых, рвущихся страданием человка облак шипованных манипуляций властеуподобленного болезнью принадлежаного и обыденного кружностию приводляющихся чувств языка же и оставшегося сзади давящего принадлежия проникающей и к язвинам отставленного жидкостными решётками оставшегося у лица человеческого одностественным кружением тошноты потребности выставить наиболее отвратительное и гадкое в себе привернием крученности содержанностей человеческих уродств и краснот опалённых кожаную вязью останова вроднившихся межжелововых столбов многометровых широких округлений содирающегося строгостью развлённого покрова преломляющегося грома дурнот человекоритуальных основанностей и солученных догадствий попринастия неузнавания отождества законоозначенного и спятненного серостию уноровых оглений плавающих априорных неспособностей понять одрённое синевою гниющих вен румянец боли; отозвученные согрязевинные явления чернотных, сорывающих нелепые комья свёрнутых сероватых кровий признанности тоей вовни златистые обезьяноевордные власистые корени отходящего ото евиенности стовающихся свершенств одновявленного решённостью неразностного сцеплением связей уколов сходящихся качеством отстороннего подления очувствия должного орета смягчённого света пребывающихся коричневатостью пастельных молитв форменного одарения тоего сквози дымку света стовляющегося оболочью отревного коготного сравения объедности привычного: осложнённые чернотой небес паяла того съявляют почти самообыкновенное собою, и редкая краснота щуповатости этого белёсого лица уставлялась к стыду осязания ненужности собственного ото надрывов плотностных внешностей сревения пенистых материй семиноного, предвигающегося шёпотом безверного вранья оторвавшихся органами престьями крыльев создания, и три лица его с суставностями обходили одоевое значением отточных сдлинений ровных овлестий сходящихся нитей вросших металлических монструозных, единственных форменностию рук человеческих складок отоворганных непоследовательностей тонких ставленностей с озябающей естением несходящего смрада ярченного жёлтого ото плены сна и галлюцинации жизненного головою

масок срезания овения тоих бирюзовых колоссов пульсирующих обрабатываньем мира же в условности их следствия очищения материи ото органов, и органом же этим в корпусе создания словеческих мышц, сил и вида: обширенные порывающей витийственности пут неопределённых ложтй тяжестью правды небеса придвигаются ко мне, и круги граничий этих пёстрым зудом огибают ковентриевого, означенные принадлежностью отрицательного в совезении белёсых отрезанностей ран отпавшего же существа мира этого ото сдержавшего темноту неопадения должновенного в пестротах облавного свечением одевений сиротливой свеченности пепла оположенного порока виды, и еле скользнувшие скрипом по стености этих неупорядоченных сорываний кажённого чудовищем плотий обоевожденных окраснений вправленностей блесков перламутровых означений предвестного подошвы мои пребивали сходящиеся супротив того отогбенного свежением обления неподчинения иерархического ступенчатого шага ветра скрутывающихся петель овышения тоего телесного омения шороховатости шерсти одавленного вверения благого ото чувства же солидеяного в кростиевости стона уличных орываний стеночных блесков: город словно лишился человека, словно раздающийся везде гам живота пустоты его есть одно гам, и более никто не соблюл здесь, хотя и видны мне пошевеливающиеся рядом гряды мутноватых разводой оболочек ранее человеческого, и скряжаемый ото них шум порой срастанием опухоли сближается со мной, ото енного конечно отбросившего любые виды их: неточность обрастания того власиного доверия оробевшими гроводиями облагает те овнешенные долии, и светится же искра того небесного означения: я остолбением орашаемых неводий прехожу ото грелости той реставрации, и восполняемое сущим в чувствии иллюзии сокращается: дорого искажает облики себя же, и срастающиеся с ударением предающегося в скрипе влаги удара путы её свербят дрожью разорванных костей: оплощение отделившегося тростию каменных слетений коверху тротуара преливается громоздением авсочений нитиевых озёр того предела бордюра, и эти шороховатые холодные отвержения бились обо ослабленные гулом мягкости волны их тканей, и я: серина воздуха сопиталась вибрацией лиц моих, и отъемленное светлостью формы здание: эти сизые громоздения казались сильнее прочих, и стянутые очним сравнением сглубления этих синеватых бликов отделялись всё новыми строгими полосами несовершенства того: и глаза мои впали внутрь, и озудевшие смертью скулы; я снова вдыхаю ядовито тяжёлый воздух, и смылившийся оевними вращающимися металлический невысокий чёрный забор единого неразнообразия оставляем был то, и чуть выдающиеся с шапки свечением дуновений сокирыстых волосы мои отделялись к заднешнему, и человеческие ноги придвигали всех, и всё снова казалось мне обыкновенно и без различия: я был рад, что всё позволяло мне размышлять, и рад, что.

Лёгкий, слагающийся иным уверенным шипеньем об внешнюю угрозу кротовых сантиметровых, облёгшихся ломко вдавленной в землю попеременным омвением холодных, сходящихся с расположенных выше на отделившиеся острыми, подбивающими порой сторонности иных школьников и даже робкою неуверенною шероховатостью ступающих на плоть того муниципального учреждения, что собственной государственностью имеет право заключать умных в пять раз дольше, а незаинтересованных и неспособных — заключать вовсе или в три раза менее должного, учителей ступенями три метра дверей паров плиткой пут шаг мой излишнею высотой возвышает меня к этой белой пластиковой, едва ли способной здание это оградить от угрозы неодинокой, вдавливающей к себе чёрную резь замочной, уже лишённой необходимости обращения к себе пошарпанной личинки двери: ступени эти широки и ограждены длинными поручнями, за которые никто из проходящих мимо и подле не держится; рядом со мной идёт, кажется, довольно приличное количество людей, да я могу только воображать об их присутствии, в действительности никого из них не видя и ни о ком из них не размышляя: скользкие просвистывания чужой обуви смешивается с тем же плесновенным даром гуляющего ко мне вопианием человеческого ветра, и в неостановившемся придвижении к той самой двери я неуместным недостаточным подвижением головы кверху замечая странную, замеченную отчего-то лишь в дальнейших осмыслении и фантазии тем строгим оболением особенность сегодняшнего неба: облака удивительно неестественно расставлены по сторонам, будто пышный прохладный вид их долженствует чьему-либо прохождению, и я задумывался о том в недвижимом замылении дальше, как предо мною предстала неожиданная твёрдость белой двери: теперь слух и зрение мои снова вернулись ко мне, и не встретившие ответа приветствия моих учеников прояснились скорее раздражающею, однако не внемлещею мои честные реакции на то резью: в перламутрорадушных пенках лучей ударяющего к этим светлым свестям солнца встала ото меня в ожидающем скорейшего ответа, недовольном иному промедлению подходящими уже к двери людьми мгновении я разглядел сперва коричневое пальто шерстяных, еле развевающихся в направленностях прочного оболоч, над которым ярким проленцем надъявлялся милый красивый лик моей выпускной прилежной ученицы: розоватые румяна стройного, античновыделенного, однако не лишённого необходимой скруглённости лица натягивались над сглублёнными сбоку от широкой честной, обнажающей ровные белые, лежащиеся под нежными, чуть красноватыми естественной приятной припухлостью губами зубы улыбки: тут же укол себя за выявление перво в ученице своей красоты, я привычным сухим, излишне и даже смешно серьёзным натянутым голосом поприветствовал её, чему она, после побежав чуть вперёд меня, видимо, обрадовалась; я придержал неожиданно сильно напрягшейся, держащей ещё и отвердевший сонесгибанием мои дипломат рукой дверь, пропуская каких-то неизвестных, благодарящих

за то, разукрашенных лепестками тканей одеяний и несоразмерно больших, могущих быть сравненных с половиною самих тел детей рюкзаков своих в самые разные, неуместно пристающие к глазу кислотностью и обоенственным несовпадением цвета младшеклассников, и прошёл заметно сбившимся шагом в уже узком недлинном коридорчике через такие же белые пластиковые, будто долженствующие вмещанию в себя также и иных дверей столбы, касаясь наконец внови актуализировавшимся спряжением сил ещё одной двери, за которой уже и располагаются турникеты и центральный, приветствующий всех одарённой экранами для слежения за злоумышленными детьми стойкой с добродушным, всегда помнящим по именам почти всех учеников и у громадной их трети даже даты рождения полным, на деле же являющимся запойным, справляющимся с зависимостью хоть непрекращающимися сменами пьяницей охранником коридор школы: с блеснувшим в мои ослабленные темнотой фантазии глаза светом я вошёл в часть своего рабочего места: фальстартовым невниманием я произнёс приветствие, видимо, довольной прозорливостью всё же угадав ответом кому-то из ранее меня увидевших: пребываясь неповоротливостью своей сумки, я неловким движением обращаюсь к внутренним карманам куртки и достаю оказавшийся ненужным пропуск: чуть пристав, охранник бережной улыбкой окрикнул меня и нажал на кнопку пропуска: на недлинном невысоком, вполне позволяющем в себе затрясть полному человеку и пройти над собою высокому металлическом турникете загорелся за чёрнотой еле блестящих в этих тусклых светениях школьного привычного приятного запаха дисплеев зелёный угловатый писк: скорее невнимательно кивнув охраннику, я надавил на крутящуюся твёрдость турникета и проник снова обернувшись нарочитостью назиданию вновенного изменением в пространство моей деятельности: неторопливо посматривая на расположившиеся чуть выше и дальше электронные, пребывающиеся яркостью иступлённо ударяющей в глаза красноты часы и видя достаточность времени для подготовки, я торможу резво проходящих за мною детей и скружаю пространство внешнее к себе; я дёрнувшись в тишине этой озабоченным врачеванием струднения невольно топнувшей правой, оставляющей ещё оседающие на полу разводы таявшего непродолжительными мутными, достойными в производстве учеников самых настоящих мучительных порицаний со стороны одно взбуктетеневшихся скорее собственностью более взрослых, при мне не кривящих соблазном внимания молодого преподавателя, однако всё же включающих по жалованной эмпирике и молодых симпатичных, но всегда излишне робких и нервных, при мне достаточно очевидным замечанием старающихся выслужиться или понравиться в искусственной, неестественной, да всё же остающейся соблазнительным, умильным и лестным манере коллег моих женского пола учителей лужицами снега ноги направляюсь к малой, скорытой за вполне грозной продолжительностью, преобладающей серостью и чернотой шевелящихся невеликих массой

шумно переобувающих, ещё не стянувших с себя розоватость внешнего хлада учеников лестнице на второй этаж: немного теснясь молчаливой аккуратностью в том, я наконец неизменным шорканьем своих одежд попадаю в условленную чистотой, даже грустно спустившуюся необычной пустотой зону: уже почти в тишине ударяющими по хладу светлой, только редко вбравляющей в себя песок чёрных песчинок плитки мокрыми туфлями я касаюсь невысокого бортика внови белой двери и необязательным наклоном содрогающейся в инерции тех импульсов спины поднимаюсь ко второму, вмещающему общий, неучительский, видимо, по причине невеликого коллектива моего пола в нашей школе мужской туалет этажу через слегка просыревшие каменистые пленки тех витийств мягко объявленного аккуратным молчаливым запахом здания. Сверкнувшая воплем незамечания моего, отяжелевшая неизменённостью быта того тишина. Выйдя из ещё шипящей позади смыванием воды кабинки и легко стукнув дверью к ней глухим, повторяющимся даже в кротком эхо ударом, я спускаюсь под пустотой туалета к отъевшей свои соскаблившиеся нутряною металлическою чернотой белёса раковине: скрипнув нечистой серебристой шестернёю, я стал причиной звонко ударяющейся об плоскость этого побелённого материала прозрачной, облечённой последовательностью крутящихся правлением стронного волн рвоты его, руки мои придвигались по велеречию этого перламутра, и я уже счищенными немзвестностью угрозы руками набрал едко плескающейся в себе воды и чуть отпил: непостоянно полоща ею рот, привкус сырого яичного желтка всиливался, и я спокойною нервностью сплеснул эту воду в раковину: зеркал в туалете не было, однако в отражении заляпанного крана я видел спадающие со слюною гряды тонких водяных струек. Тишина.

Зудящие светом окна: я вижу их почти каждый день: плавающие белёсые пятна оконной рамы соцветаются правленностью особливости той подреванной сдовенности отметалиевых спышненных властей: едва проглядывающийся за темнотой света запотевших мутноватых, давно грязных и имеющих могущие быть рассмотренными одно в пристрастной пристальности рисунки школьников стёкол мороз пестрел ото рябой тяжёлой теплоты класса; я веду последний урок: шатающий поскрипывающим вечно будто ото нарочитой сменённости того положения им стулом, остриженный родительским назиданием скорее неприглядно обнажающей широко отстоящие большие, смотрящиеся более как лопасти причёской Влад изображает напряжённое действие написания, хотя при пристальном или хоть немного внимательном наблюдении окажется, что он уверенной холеричностью стирает внешние покровности уже зарубцевавшейся сглубинами отрывистых ран страницы худой, вместившей в себя ранек, как он считал, излишние, способные уйти на дело иных уроков листы тетради с зелёной, попорченной и ото меня нежелательными карандашными замечаниями об отсутствии всё ещё зыбко сдёрнутого существом своим имени на той обложкой: дети действительно не

понимают, как наглядны их незнание и хитрость или леность; Соня, некрасивая, хотя харизматичная и весёлая, полная, довольно способная девочка, хотя способными на момент образования уровня подобной простоты и являются вовсе все, кто имеет смелость, время и силы тратить свою жизнь на прочую условную абстракцию вне явных патологий психических и психологических, растрчивает могущий в нечестных нелепых устах другого, заповшего в неправде и гадости школы учителя быть названным нежелательным и дурным ото тех же невнимательности и некомпетентности потенциал в робких, орозовевших щеками переглядываниях с заинтересованной трусостью отстоящим на другом ряду параллельно с ней Карлом, прежде девственно красивым, начинающим запоздало роговеть гнойными красными жирными родниками невысокого, ударенного лёгкостью влас лба; симпатичная необщительная, имеющая очевидные любому учителю, игнорируемые ими из обыкновенных трусости и праздной лени проблемы в семье не без оголяющегося под редко дёргающейся чёрной, просвечивающей гладкий, иногда сознательно нацеленный на беспорядочное, интенционально лишённое образа следствий привлечение парней рубашкой насилия голубоглазая Лия уже обрисовывает бегло написанное, да и получившееся всё же лучше любого из сейчас пишущихся сочинение маркерами кислотного, даже неприятного, не совпадающего с другими из узоров на сочинении цвета: я давно уже грожу ей за эти самодурства, однако после она только кокетливо поднимает на меня глаза, краснеет и молча убегает, за той ребячливой розоватостью забывая, что в свои семнадцать лет она уже и выше, и при внимательном рассмотрении старше на вид меня; Максим, измученный заранишней подготовкой к отстоящим ещё сильно далеко экзаменам, постукивал тяжёлыми, не блестящими из осевшей с дорог соли сапогами по металлический части ножек шатающейся к его напряжённому рисующему в тетради, которую сейчас использовать и нельзя из присутствия там подробного клише ныне написываемого всеми сочинения, соседу парты: чёрные, отсвечивающие почти сапфировую резью волосы сворачивались к ровно оголяющейся коже на макушке перхотною чесоткой, к которой он иногда обращался: тяжёлые глубокие синяки под глазами особливо странно выделяли его рассеянный задумчивый взгляд, и даже с тем он был красив: вероятно, красивее всех в классе; невысокая, излишне худая, носящая мешковатую, да удивительно подчёркивающую её фигуру, порицаемую руководством школы одежду Вероника бессмысленным страданием уставилась в доску: рука её не писала, но держащая ручку кисть была напряжена и, казалось, готова порваться над давлением усилия в том: думается, если бы я не замечал едва торчащий из пенала салатовой рябостью тампон, не понял бы и причины, и внешности её страданий: легко простёршаяся по виску вена непривычно надулась, а сам тон лица чуть окраснел: видимо, при недавнем выходе из класса она выпила обезболивающее, до сих пор не возымевшее влияния; Марлен, одна из главных

отличников класса, усердно писала: про неё тяжело что-то сказать, поскольку именно та тупая исполнительность, с какой она подходила к учёбе, не могла сказать ничего, кроме её исполнительности: она была слишком велика в своём усилии, чтобы то помогало назвать её исключительной, а не терпеливой и послушной, и сами результаты не становились довольно высокими, дабы то было способно насытить её бытие: просто одним из очень немногих, чем она занималась с половинчатым успехом, была школьная учёба: она сдаст экзамены, поступит в институт и закончит его, однако после того ей придётся столкнуться с пустотой: разумеется, то покажется несправедливым, если бы сама справедливость как акт существовала: только тогда, когда она лишится надзирателя, ей сможет сделать что-то самой: она красива, высока, ухаживает за собой и во всём старается, да ничто в ней не выделится особливо, и в том, конечно, кроется восхитительное и светлое, чего в ином человеке почти нет без Духа, но проблема в том, что Марлен и люди толка Марлен готовы ради корпоративного устава сгрызть ближнему сухожилие: эта посредственность есть не хлеб и вода или прочее лишение, а неспособность творения и самая явная скупость ума, что уже сейчас может ради продления своего заурядного пути оболгать друга и толкнуть стоящего на пути: несмотря на прямое отсутствие удовольствия в своей жизни, в ней гораздо меньше человеческого, поскольку с самого начала оно не было никуда направлено; Глеб, в общем, есть трикстероватый паяц, которого не любят весь великовозрастный учительский состав, однако я нашёл с ним общий язык: написав то, что он мог, за десять минут, он спокойно устался на оголяющую ноги уже вполне откровенными платьями Олю, и удивительно даже, что номинированный хулиганом действительно не может дать обратного знания: всегда он будет вести себя так, ибо не умеет иначе и не сможет тому противляться: всегда он будет делать плохо, ибо никогда не возымеет терпения и хорошей мысли; короткостриженный полный, нелеповатый в своей серьёзности Никита, усердно пишет сочинение, впрочем, усердно он делает уже с год абсолютно всё: обретя некоторый идейный остов, он неизменно движется одним благом, хотя для сверстников и даже в объективном взгляде из воспалённого возрастом несовершенства всего деянного оно становится скорее смешным: несмотря на дурноты уже получившегося, соответствие хоть светской индивидуалистической идее поможет ему быть человеком более приятным и благодетельным, чем иные отличники; дым человеческих пыли оседал всё сильнее в кабинете, и отчего-то всегда дым же и перерождался пустотой: оставался только слабый глаориановый свет, и искра эта разгоралась иной раз до звезды; при желании звуки внутри кабинета могли быть представлены непрекращающимся седым шёпотом: гул, когда чёрные контрасты кожных ран сквозили через опухшие маслянистыми, не обретшими ещё и уже окончательности миазмами стены, одурял меня и сводил с ума: вероятно, этим называют скуку, однако во мне это становилось всё глубже и опаснее: я вырос, я более не ребёнок, хотя

особенной разницы с находящимися под моим надзирательством не вижу: они несовершеннолетние, и тем главным образом оборачивается наша дельта, когда в их умах ещё пасётся звенящей поступью звон удивления: когда моя спокойственная тревога представляет то, как и чем и должен существовать взрослый человек: это существование среди гудящих озоновой свежестью школьников и приятно, и беззаботно, и просто, однако по ночам я всё же вижу скорбящих мою жизнь существ: их гладкие незаострённые лица хотят пожрать меня, и темнота осевших в углу глаз всё интенсивнее гудящими ударами проникает в мои слабости и тревогу; меня отвлекла Надя: некрасивая худая творческая девочка, которой почему-то нравится постоянно делать неожиданности по отношению ко мне: сидя на самой близкой к моим отупевшим приставленным парте, она молчаливой стеснительностью передала мне обклеенную с моего разрешения розовой кислотностью дешёвых наклеек тетрадь и небрежно оторванный торчащим острыми зубчатыми краями куском лист чистой стороны: с обратной, что понятно по еле пробивающимся рельефу и пробившемуся цвету, было что-то нарисовано: поскольку она ничего не сказала, я только лёгкой формальной улыбкой разрешил ей оставить это у меня и взял тетрадь: это было мне скорее неприятно и тяжело, ибо осаждало мою жизнь новыми обязательствами, хотя как раз и отсутствием таковых я и был на деле мучим; пора собирать тетради у всех остальных.

Я сижу на стуле. Стопка непроверенных тетрадей мало меня интересует: вновь уверившись уже формульным мне счётом времени и возможных дел я обнадеживаю себя ещё многими свободными часами отдыха: отдых этот обыкновенно не имеет вообще никакой занятости: я думаю о свободном времени и редко делаю рабочие обязанности, и с тем всё сильнее приходится уверяться, что время это и не могло быть заполнено: мой человеческий ресурс полностью себя использует, и только частые самообманы говорят о лени в контексте самой явной неспособности; тесная темнота моей душной комнаты сбавлялась пекущим недолжным лучом от ядовито стонущего пестротой горячи ужаса моего от местевых станостей пложевых евенностных дарений складочных работ окна: только чуть подумавши о том, я ненарочно повернулся к нему, и в сверкнувшем галлюцинацией пробегающем крупном, снулённым моим замечанием оболочкой гигантского кролика без кожи создании едва отвлёкся, ничего от рассмотрения подробного не увидев и уставившись в окно: безмолвие начинающего заканчиваться светом дня страшную резью ударило в меня, и в окне я увидел нависающее двумя третями, неправдоподобно большое лицо: лицо имело красные, пребывающиеся золотистыми ограничениями блики среди общей коричневатой тусклоты, форма его была чуть искажена сбоку, а рельефы кожи подобны натянутым стариковским с некрупными болезненными впадинами под скулами, брови были худые и почти отсутствующие, губа кроличья, а волос на голове не было совсем: его лицо было словно еле удивлённое, а

рессендовское же; приоткрытый рот и глаза его наполнены бурдовой чернотой: они не были выколоты или срезаны, но то есть темнота; галлюцинация эта длилась четыре секунды: спустя это время лицо исчезло: не слилось, испарилось или сдвинулось: в одно мгновение галлюцинация закончилась, была удалена из моего ума; я повернулся обратно и привычной спокойственностью начал проверять тетради; скрипящие под босыми, слипающими волосы и грязь пахнущими ногами моими полы нерезво дёргались в моих неуверенных случайных редких движениях: иногда ударяющий еле освещающим бликом покрытием стол глухо шоркал моим сположением под ленивой уверенностью маловзаимодействующей с предметом своим рукой: пальцы мои бледны, а ногти излишне выросли, и в скорее праздном замечании этом я безэмоциональным совершением дерзнул чуть влево, сильно оскрипев старым ветхим стулом об плотности тех бездвижностей: поворот был совершён успешно, однако во время нединамичного приставания я излишне опёрся о находящееся на столе, чем зыбко явилась неровно выложенная наклоном стопка тетрадей: взглядом я уловил ещё сомнение придвигающихся к земле тетрадей, после которого все они попадали на грязные пол и стол своими шелестящими сворачиваниями и согбениями, которые после придётся незаинтересованно подправить: из стопки плавным незвучием слетел шепотливо стянувшийся под кровать лист с рисунком Марлен; неспеша уложив всё обратно на уже менее пыльный от подобного сметения стол, я робкою произвольностью направился в сторону двери, дабы пройти к ванной и взять щипчики для ногтей, однако: я передумал, действие это после проделанного было бы слишком тяжёлым: я уже достаточно отвлёкся от дела, чтобы продолжать; одубевшим бездельем телом я почти присел обратно, решив всё же утвердительным самооправданием поднять лист с пола; так же неторопливо и скучно подойдя в этой мгле комнатной зудящей, стонущей ото кожистых воспалений серости, я сопровождением приглушённого коленного хруста присел и с десять секунд оставался в опоре сморщенных локтей на неудобную даже в том кровать: на выдохе оперев грудь к вонючему полу, я разом обратился к монструозной темноте свернувшихся с пылью волос: почти сразу привыканием глаза мои смогли рассмотреть положение листа, и попыткою не чувствовать накопившуюся грязь я коснул его, перед этим ощутив шероховатые песчинки некогда отправленной туда ногой еды: вытянув его, я сположил перед носом густые косые тех же сухих, иногда сопровождаемых гадкими мясистыми белыми пучками осреди волос, отряхнул лист от грязи и случайной внимательностью устремился на лист: на нём было нечто наподобие странной разновидности герба в форме капли: посередине стоял украшенный узорами столб, а сзади него можно было разглядеть три круга несимметричной крупной расстановки, и возле кругов этих были иногда звёзды и кружки; неожиданным одумыванием подозревая о

потенциальном усовершенствовании того, я направился к потолку и заключил: то будет Тфальра.

Оробевшее сгасающим светом окно сотягивается тяжёлой плотностью завнешних волнений: всё чернеет своим бормочущим медленным довлением хрупкого холодного ребячливого шага: за безмолвием стен я могу ещё представить их ядовитые звуком выкрики и радостный громкий, озадаченный свободой смех: их улыбки честны и свежи: нерассудочная немота этих лучей отупляет и заставляет галлюцинировать, когда гниение же моей благополучности отвердевает непробиваемым нефигурным, дрожащим ото спостоенности собственной камнем: возбуждённые длинные поручьи перламутровых отливов мраморных органов: все боли человеческого срastaются долгой петлёй белёсых жил, и одно моё сположение тянется светлотой пластиковой кипящей жёсткости: я не знаю, сколько дней назад я придумал Тфальру, но сегодня почти во все уроки мысли о ней энтузиированным интересом воспалялись во мне: окромя уже детально проработанного символа и названия я ещё почти ничего не придумал, но мне кажется, что... этим можно номинировать некую общую идею: категории о ней во мне размыты и не обрели должной чёткости, однако отчего-то мне кажется, что я к чему-то придвигаюсь: оттого в такие моменты я ловлю себя на чуть стыдливой мысли о том, что свет же есть и во мне, однако в мгновения эти я устаю: более сегодня я не стану думать о Тфальре.

Как я провожу выходные? чаще я и не могу ответить на этот вопрос: в силу необязательства пробуждения половина воскресенья уходит в условную реабилитацию ото субботы, на которую мне достаётся обыкновенно только три урока, после которых я отдыхаю ото будних дней: кажется, слова эти я использую именно в оправдание, поскольку никакой значительной усталости не чувствую вовсе никогда: рабочие дни ассимилируют меня под свою аморфную вяжущую непостоянность: я лишаюсь привычных предметных ориентиров лишь в непродолжительный единственный выходной, в которой всегда занят чем-либо сменяющимся; несмотря на свои должность и образование, я нисколько не могу быть прировнен к интеллигенции: в год я читаю не более тридцати книг, и притом сама моя работа есть скорее нечто механическое; учёба давалась мне тяжело и с неохотой: я не успевал заниматься не толькой научной и внеучебной деятельностьми, но и попросту учиться: думается, именно тогда былая номинация меня талантливый переросла в номинацию степенным, на деле лишь ленивым и малоспособным человеком, который только в далёком подростковом возрасте ещё увлекался чем-то, что некто некогда называл необычным: с трудом и уроном нервам доучившись, я размяк и ещё пуще поглупел: вечерами я не читаю и ничем не занимаюсь, погружаясь всё более в свои бездельные трусливые страхи; уверен, что страшно не только мне, однако именно я теряю оттого любые деятельностные навыки: итак, читаю и

смотрю что-либо я только по воскресеньям, да и то является скорее под конец дня из обретающей текучей скуки, которая и без моей воли выдумала бы что-то предельно простое и динамичное, чем обыкновенно и оказывается книга: читаю я более всего модернизм и литературу абсурда: некогда выбор этот казался сторонним наблюдателям элитарным и сложным, однако только после многих лет таких чтений я понял, что то является одно наиболее естественным и даже чуть архаизированным выбором уже более шестидесяти лет: литературу раннишнего времени мне читать не нравится, да и в существе более сложный историко-культурный контекст создаёт сильнее сдерживающую меня от чтения преграду, которую я преодолевал в студенчестве лишь под угрозами надзирателей; тем не менее, этого более чем достаточно, чтобы быть учителем литературы и русского языка в школе: вернее, этого даже несколько излишне, отчего часто меня называют молоды талантом и нерасцветшим цветком: это помогает вводить самодурственные правила внутри обучающего процесса, да скорее противно; сегодня воскресение.

Влага моих дырявых стен напоминает о болезни отца, которого я не видел уже более полугода: когда ему изменила мама, с тем бросив навсегда нас обоих, отец стал заикленным на холоде: мама постоянно говорила, что в комнатах, где температурный режим настраивает отец, слишком жарко; шесть лет пьянствуя, он пришёл к выводу, что именно это стало причиной их развода, и почти весь мой подростковый возраст был проведён в гадких пошлых пьянках и неблагополучных гуляниях: когда же я был дома, приходилось укрываться четырьмя толстыми одеялами, в противном случае отец начинал меня бить и поругать: летом дожди осеменяли наши подгнившие, отрезвлённые перхотой смрадной реальности деревянные полы и оголённые отошедшими, уже обретшими яркий жёлтый оттенок стены, а зимой в снегопады поутру приходилось расчищать тропинку к выходу; ночёвки вне дома отец ненавидел, оправдывая это всегдавозможным приходом матери и её желанием увидеть нас вместе, что утвердило бы и его хорошее отцовство, однако: с ухода матери я её никогда не видел, не имея за тем и желания искать: я не воздыхал в себе к ней гнев, но и ничего тёплого не чувствовал: для меня она, кажется, была чем-то схожим с животным, однако не домашним, а скорее одомашненным: её вольные блуды не должны иметь оценки, а приставленность к дому может поощряться: иногда я ловил себя за мыслью, будто приход её мог омрачить моё поведение по отношению к ней поведением человека с животным, и потому я предпочитаю её скорее избегать; несмотря на строгий запрет отца спать не дома, этим я промышлял почти половину свободного времени, чего беспробудно пьющий на пассивный доход с родительской квартиры отец ни разу не заметил; спал я у одноклассников и в аэропорту, куда шёл автобус без кондуктора и где последние два года школьной жизни спать уже было нельзя из моей дурной там славы; эти обстоятельства не сильно меня отягощали, и было в том даже нечто

авантюристски приятное: когда отца посадили за пьяную драку, мне стало легче, но начались розни за квартиры: мне написал некий Иван, хотя я почти полностью уверен, что за именем этим скрывалась моя стыдливая мать: по крайней мере, я хочу, чтобы она стыдилась; Иван писал о другом, уже имеющем рукописную оформленность письмо от отца с некоторыми прикреплёнными доказательствами о разрешении получать деньги со сдачи обеих квартир: отец вряд ли оставил бы меня без крыши над головой, но на всё мне было безразлично: оставив ключи в сокрытом за решётчатой дверью к крыше на верхнем этаже мешочке, я разрешил этому Ивану пользоваться квартирами, себе не оставив и дубликата: я более не хотел с этим связываться; в тюрьме отца, кажется, насилуют и избивают из-за плохой изначальной постановки себя: оттого он только более одурел и начал иногда бесконтрольно кричать на всех подряд: малодостоверно мне нашептали, будто из частых избиений его пересадили в одиночную камеру, но мне видится более правдоподобным вариант, где он пытался убить своих сокамерников; уже два года он совершенно невыносим, но я всё ещё продолжал ходить к нему каждые два месяца: полгода назад он разбил при мне свой лоб и искусственно скрюченным лицом наплевал в образовавшуюся лужу вонючей чёрной крови. Больше я к нему не ходил.

Сизоватые отсветами брюзжащих оконечий улицы разводы на моей стенепродолжают испускать еле заметный шёпот страха: неизменность моих привыкших реакций внешне будто составляет иную спокойственной, да внутри тогда мельтешит сухожильными стопами самый сильный, пребывающий приступами останавливающегося сердца, белеющей плены пред ухудшающими взглядины свои глазами и рокотливого звона в ушах ужас: естественным мне есть заикание и дрожащее правое веко, но я не так много чего делаю, и потому в профессии своей твёрдой тяжестью могу пересиливать редкое заикание, а повторяющиеся раз в три дня продолжительные утренние массажи века почти избавили меня от его дрожи; осевшие привычно оставленным под плотными одеялами потом тела мот уже выскальзывают с кровати, и только довершением я с неё сошёл в два часа дня; такая вечная отработанность, казалось бы, должна была направлять меня к постоянному совершенству, однако: видимо, я всегда выгляжу скорее жалко; сегодня я не буду читать: вчерашнее ленивое уныние стало причиной раннего засыпания и бездействия; сегодня я буду проверять тетради и делать конспект урока, бумажную же работу я делаю всегда в школе; шафрановая тусклая спесь облаков сдавливала мягкую слабость человеческого: останочные трупные комья ложились под преющей тяжестью песков, и те нестрогие волнистые гроздья снова и снова оседали надо искристой покалывающей плёнкой болезненной неправильности: омертвевшие холод деревья проявляли свои нескончаемые констные белёсости, и на искажениях эти виднелись набухшие головы мёртвых людей.

Мутная темнота стола: его хрупкие зернистые пуантели сдёргивались шумной вязью комнаты: дребезжание за ней нарушало мой покой, и безделие моё всё нарастала: сетчатые волокна кровати свисали всё более неприглядными обивняками собственных деревьев, и я помешавшимся взором устремлялся в стонущую белёсыми суставностями одержавшихся чёрных течений огрубевших человеческой плотью швов молний даль: я встаю, ложусь и хожу по этим местам, однако ничто не рождается во мне и ничто с меня не выходит: я снова и снова прерываю собственное и начинаю чуждое, и эта пустоутробная волнительная незаконченность насыщает излишённость света и чистоты иной мги дыроковатых рефреноватостей сосязающих песновений комнату мою: вставая поскрипывающей дрожью неуверенно сдвигаемого тела, я коснулся взглядом грязной, уроненной некогда последственным забывением будущности станowych наблюдённостей, окрашенной темноватой, иногда плотной случайностью палочки для ушей и неизвестного согбенного оранжеватого, оспаренного пыльным черноватым ореолом материала в углу подле двери: продолжавшаяся тягота дернувшегося сосисления метнула едко отрезвевшей ногой куртку к уронившей её и приподнявшей чуть после зычными осмеянностями ряби предметного руке: иногда я предпочитаю оставлять верхнюю одежду не в общем коридоре: тогда я чаще попросту бросаю её на пол, уже после замечая подтёки слоёв грязи; не закрывая дверь, я вышел: в обелённом гроздьями сотенков коридоре никого не было, хотя вечно нечто будто тряслось под соседской и туалетной дверьми: прогудевшие тупым поскрипыванием шаги по лестнице отбились стыдливо отозвавшимся во мне за вмешательство вовне тухим звуком: бессветие нижнего этажа ударяло к непоследовательной случайностью ступающим ногам: никого снова не было: дом этот иногда представлялся мне призраком, в котором лишь редкие тихие отзвуки обозначают принадлежность к нему кого-то ещё: идти же и делать в доме этом нечто мог только я; врезавшись в колющий холод улицы, я выхожу: щемящие узости комнаты этих ветров оспевали грубо уходящие в те стороны, еле выпадающие к опадающему в необдуманно открытую свободу щиколоток ботинки: подбивающие снега сщепляли мои горячечные бездействием плоти, и всё тогда смешалось в одно бездействие: я не двигался и не стоял, а одно доверился существу тех автономно придвигающимся ногам: казалось, я мог закрыть глаза и отдаться волиям шага, да остроты сдвигаемых вихрей осияли мои перламутровые слюзии трубчатых органик; сбивающая яркостью интервальных придвижений свет отзвучивался в этой туманной белёсости трезвеющей белизной металлическим осеянностей: светом тем осреди тумана были автоматически раздвигающиеся двери магазина, и сопотевшим присутствием я вошёл в то и едкой частотой осматривал находящееся подле: третьим из увиденного стал невысокий, спустошённый на почти все полки стеллаж: положенные правее входа беловатые, несколько осевшие темнотой лёгких теней места

сокрывали чуть выбивающую уже форменною станостью темноту предмета: показалось мне тогда, будто придвижение к тому есть естественное, есть то, от чего не станет недолженствование, и тогда: тогда я подвигался этим неинтенционально осложнённым векторам, и тогда я взял стопку примерно в десять нетолстых небольших книг с мягкими обложками и тем же продолжением должного устремился к выходу: сверкнувшая среди уже отуманивающейся трепетом нутряного прохлада ложилась скорее свежестью, нежели бременем, и движения мои ускорялись и лишались мысли: вернее, мысли всегда присутствовали довольно напряжённой последовательною логикою, однако она ни к чему не вела и ничем не содержалась: это было реакционным оправданием ума моего всего произошедшего, и в дыму этого пепла я коснулся двери дома и вошёл: предо мною возникли счернённые жилистыми мышечными глазами и скуластыми хищными ртами образы, через пару секунд обретшие человеческие облики: это были мои соседи, довольно приятной разговорчивостью обратившиеся ко мне: сегодня пятничный вечер, что вспомнил я уже после и что явственно объясняло их пахучую весёлость: стены дома набухали моей головной болью, и я безмолвно продолжался к лестнице: её окоченелые струпы згивых сухостей робко шершали по моим одырявленным вонючим носкам, и фигурно сосупающие за границами ткани ногти едва сгибались касанием оснований ступенек: ещё касающие мою холодную, принявшую влагу снега лёгкую куртку книги отяжелевали из неудобства своей нетяжести, и приоткрывание двери одной из рук с наличностью того напряжения далось окончательным долгом: не закрывая комнату, я варварской небрежностью скинул книги к полу вместе с курткой и устоялся открытою дверью в окно: существа в темноте ползали и острыми конечностями своими ступали далее, однако и в этом ужасе было спокойнее, чем в моём сердце: я не знал, какие книги взял, и заснул лишь к отрупевшим мгlistой трещиной шипящих и стонущих пространств трём утра, на следующий день явно не выспавшись, хотя за все времена безделья я и скопил достаточный запас будущих бессонниц сосреди бессонниц.

Рыжеватые светит тех слоящихся тканей: я опрашиваю у учеников домашнее задание; делаю я это автоматически, успеваю иногда и задумываться о собственном за нарочито выдуманной нелепой рамкой серьёзности: многие ученики неуверенно запинаятся или тянут время, когда то естественно именно для меня: именно я должен унижаться по существу собственного, но не; радужные, шуршащие гровиною тишащих овений сосреди непривычно стерильных поместиений ограничения пробиваются сквозь сморщенные темнотою глаза мои, и ядовитый сощур устремляет иные праздности прочних пряжений кожистых неспалений к влаге моих внешностей: отяжелелые мешки под глазами обвисают внови являющейся тяготою сопустыненного молвия: я стою, и моё слабое надзирательское стояние отчего-то тревожит этих людей, в целом, и могущих догадаться о моей ничтожности; три недели назад я, как я это

называю, украл книги: через два дня после условленного кражей я чуть более аккуратной стопкой опложил все те книги в угол, так и не взглянув на титульный лист: об этих книгах я знаю лишь их черноту и худобу, и то моим неведением только явнее оголяет прочие знания: кража стала серьёзным бременем моей совести, и главным в жизни теперь стало избавление от этих книг: осложняет всё невозможность обыкновенного их уничтожения: должно мне вернуть эти предметы на место своего начальнического положения, ибо всё стало бы в противлении напрасным; итак, уже три недели я имплицитно мучим всеми этими останываниями шождущего стекольного треска: уже три недели каждое шевеление ума сопровождается гадкой резью совести, от чего отсоединиться я вовсе не имею способа: красноватая дрожь глаза спесиво ударяется к выдуманному постоянству тела, и с тем я продолжаю существовать: я исполняю привычное и подпадаю под недолжное: тревога подобной мелочи осязанием собственной незначительности лишь упирает меня далее в тот упор, от которого я хотел бы избавиться: постоянное напряжение не даёт мне жить, не даёт прежним осмыслением продолжать былые бездействия, оказавшиеся теперь столь сладкими мёдом своей вязкой бездеятельности: то, как я жил, явилось именно самым простым образом, и иное жалование на отошедший постоянным волнением быт теперь кажется глупым и дурным: слезливые спеси ветра ложились на отяжелевшие бурдовым ужасом худые щёки мои, отстранившиеся гулом тела спепелялись светом окружного: сейчас, находясь в том напряжении, я был бы способен ради удовлетворения своей совести преминуть в страхе чувствами ближнего, за что после также мог бы чувствовать вину, однако не предметную: пока я имею при себе видимый груз, он ложится гораздо более тяжёлым весом: из тупости ли моей то или из такой абсолютной принадлежности к дому, но я мог бы простить себе обиду другого человека за два дня, когда на прощение присутствующей при мне краже необходимо затратит пока неизвестные временные экстенсии: я роговел гадостью, и на то накладывались мои страх, ужас, волнение, слабость и общий трепет перед миром: я был жертвой, я номинировал себя жертвой, и при этом я же и содеял ужасное и платил за то собственной душой, её глубокими, скользящими пенистыми, одеряющими выбивающимися говенностью прочних опалений нитями дымками порезами, что обрамляли меня внови и внови сотекающими речьями кровавых стовних густот: совершенно обособленный от невнутреннего переживания, я не мог не показывать рану своих душевных состояний: коллеги и даже редкие ученики спрашивали у меня причину моей рассеянности, допытывая о бессонных работах над наукой и писательством, с чем я малозаинтересованно соглашался: мало того, что ото невеличины безмолвия сна я не чувствовал никаких дискомфорта или недостачи, так и рассеянность моя не есть схожее с отсутствием сна: не имея бодрости, выработанную привычкою механики профессионально я бы только лучше исполнял свои обязательства, теперь же я нахожусь в

состоянии, когда иная мысль может коренным образом меня поколебать, исказить цель и действие, и от того; отвердевший на окнах хрупкими нетолстыми лезвиями перламутровый узор оставлял бледно-васильковые блики во мне и в непостоянстве работности класса: я опрашивал ребят и дополнял их ответы, при этом незыблемо имея претензию к своему существованию: достоин ли я вовсе жить после этого и есть ли во мне должные способности всё исправить? существо моё рубцевалось и дробилось, и я ждал момента, когда буду способен исправить ошибку.

Прошла ещё одна неделя: за время это всё нарастали во мне сомнения и уверения насчёт того, как же необходимо поступить с книгами: то в сонном бреду я, оказываясь подле оправданий, которые после не мол повторить из их настоящей несодержательности, вновь упавшей нетяготой всех существ облегчал себя решением всё выбросить, то поутру был возбуждён снова пробившимся ужасом уколом своей вины и необходимости её искупления: состояние моё начинало мутиться и обретать самые неприглядные формы: я словно погружался в отвратительный, дрожащий своим непостоянством сон, избавление от которого виделось уже совсем утопическим милым представлением: я сам уверил себя, будто ситуация эта есть ситуация серьёзная и сложная, будто в ней явились раскрывшиеся, отягощающие иные форменности моих наглых самобытий пласты: сон стал ещё хуже, он стал состоять из многих непродолжительных отрезков, вследствие чего я уже ощутил некоторую тяжесть оходящих состоенностей: я перестал править своим телом, и радостью стали бы прежняя влияния души на тело: обозначив дело, теперь я делал это довольно уверенно, однако это словно занимало время для аккумуляции: я продолжал работать, но работал почти сквозь стекло, что было и ранее, однако в совсем иной форме: теперь я только передавал посреднику команду, уже не являясь самим посредником: во сне этом мне как будто легчало, однако лишь дурман неосмысления того помогал забываться: настоящая же тревога выросла уже таким довольным гнойником, что галлюцинации не мешали вовсе: итак, решение наконец вынести книги к магазину оказалось более тяжёлым: много я и брался за них, и подходил к ним, да всё было недостаточно, но теперь: теперь, когда это месячное помешательство стало явной преградой исполнению моих профессиональных функций, когда директор, хотя в бессонном дурмане я и плохо его расслышал, предлагал мне отпуск, я решаюсь: через два дня я дерзну вынести книги, и ничто не сможет мне помешать.

Сколько прошло времени и сколько раз я ходил в школу по будильнику без сна? опустевшие шёпотом отяевных грилеперливых, образованных песками обездорвлевших мутноватую пеленою человеческих гнойных наевностей осеяний тишей галлюцинации бегло комкались подле опотевших краснотою узоров мыслей отоевных становых отвержений, и ноги мои шли по ощущаемому хладом тех теплот стороннего полу, и просвистывающие виды бреда

положенностей прочного всё продолжали стенать помещения гроздьё неконтролируемого овесения: всё кружилось и искажалось, и самую явную телесную слабостью я поднял книги и в одной только толстовке спустился по скрипящей моими неосмысленными утерями прочного, скользнувшей подо мною тверждением дома того лестнице вниз, и накапливающимся пазлом у общего крупного стола оказались хозяйка и ещё два соседа, имена которых я даже не смог бы сейчас вспомнить: они было приветливы и заинтересованы во мне, и их пустотно тянувшийся голос вырывал меня из плетей осложнённого одиночества: я еле перебирал ногами и ввяженные кислотой отравленных пространств слова, и их вопрошание насчёт цели моего спуска этих книг вниз без куртки, что наблюдением отсутствующего на крючке окончательно меня убедило в существовании того, что будет случайно и единственно возможно сказано после: я сказал, что книги эти для всех наших соседей и что оставшиеся они могут раздать близким: моя блаженная ужасом режущей боли улыбка отчего-то внушила им мою крайнюю уверенность насчёт всего из могущего быть утвердившимся в человеке, и, взглянув на обложку, они чуть умиленно улыбнулись и поблагодарили меня: отступая навстречу самым потливым постанываниям возможного страдания, я изрезал себя в своём воображении, и ужаснуть более могло только знание, что одну из книг я в бреду оставил там, где они все лежали: отяжелённым взглядом я взглянул на неё, онемел трупной пустотой и упал на кровать. Заснуть я не мог всю ночь, к пяти утра в ещё большем бреду бесчувственно взяв книгу и начав её читать. Книгой оказалось карманное издание Нового Завета.

Утром меня встретил получивший от соседа книгу Коля, самый энергичный и деятельный из всех живущих в доме: книгой он был обрадован, и оказалось даже, что всю ночь он провёл за её чтением, обретая в прочитанном только что всё новые смыслы: чуть безумные, красные взбухшими капиллярами глаза его требовали хоть какого-то пояснения, и я рассказал о Тфальре: точнее, я сказал, что Тфальра есть ответ на все вопросы и что вечером я смогу показать ему Тфальру. Он был страшно заинтересован, и я решил продолжить эту игру. К вечеру, придя со школы, я распечатал и заламинировал окончательно доведённый до совершенства символ Тфальра: распечатал я форматом в тридцать и сорок сантиметров; увидя это, Николай пригласил своим энтузиастом, внушив себе, будто я слишком многое от него скрываю: постепенно мои робкие притчеватые, лишённые настоящего изначального смысла рассказы стали собирать вокруг себя кружок из соседей, и через неделю нормальным явлением стали мои часовые проповеди по Тфальре. В детстве, когда отец много пил, я сам ходил в воскресную школу, да и после, кажется, был пассивно верующим: теперь же чувство это вернулось окончательно, хотя и отсутствовал иной посредник: для моих соседей Церковь заменял я, а я же сам в том не нуждался; вероятно, способности к риторике помогали мне на протяжении всего обучения и устройства: малосодержательность моих красивых слов была

идеальна для говоримого, а внесистемное, на деле обличающее только поверхностное неуверенное знакомство лишь с некоторыми терминами обращение к философии добавляло ту пелену моего могущества, которую я распространял на кружок. Родилась теперь Тфальра, и более бессонницы и галлюцинаций у меня не было.

Интерюевые трупики слипшихся сосмердящевыми гноями пылящихся тучных сжирнот очеловеченного соповеднения падей оевых же ото все же мые крещены в смерть Его и же святодухные станости спесняются протопросвитеровою афияфоровых подстонносисотеней тел соцветий обрезавшихся ликовин двоеданцевых положенностей гонобобельных разрывов органов тех бурлящих воспалениями экзегезиеовових-де рожденностей старцевого принадлежа к человеке ширии богодухновенных язвлений сотемнения комнат тех дрожащих занозиевых орываний теложенных молений левонаправленных пападипаего жирошино зияний подмышек: виатик сживлѐнных бодростью хлада живущих-де и-де о-де оего сосувеления веригих надсеквенциевых Авиев еле пробивающимся грокотом машкероего отношения столпничества и ангелов в ликах медуз лицами человека-де и евероего сдовения супротивлений комоньего соевления стерявшихся зазноб системности внешнерераскрыжного проведения бальзамоего скребка и мафусаилоиевиех бедствий-де пристроением сущностное в крепости тяжести крещие пыртов волхвов зовлегых вылений тѐплой баньки Смердящей: и ферапонтоего респонсорий я стал в сосилениях Гофолии в лиевых снаорождениях ритуалов принявшего сдызахновения Приветствия Павла от принятия должного отонедолженным подпольями человека Гудящего, и с авинадавиевых трудов безо уныго костетих вашаши однаждненного блажества нетягого в лозьях свеществений блеска Купола Маттафия и Тримифунтского в рассказе толками ограждающегося совелениянностями рукоотрывания и ликолобызания снарушения клятвенного и стоящего недвижностью гласа зарезанного барана перламутровой сизины состояния рвотной дрожи души тоего сосущества: срывались кожистые капилляры моих оврученных гатьбою вопля смерти уверенного рождения езекиего змирны одвижения продолжающих овеленность случайности невалиации острых, хлоппаньем провникающих в шеи медий того морего послания к ведеянным Марфой вовине ремней стонов ста бессмертных убогостью праздника своего Ханания рубцов обавлениевых и зоильственного Будока спасѐнного овец огде Антиохийского, Егесиппа, Сардийского оде декиции цикла несамобытийственного доде формы явленности томизмоего сушильни совести-говедиего лода Гирсамова сположения исконных явлений той жизни означенных Николаем и Владленовым номинем-го вечернициевых схизмовых космосов раскования человека резью глубокой, обрекающейся соломенем перцев крови рабства тоего оборения изнумения отравленных тусклот способности содеять и в махлоновских казий Татета трещины святого непринадлежным творением ужасного с реевых годий гриеперливых потифаровых

збуждений согбения каженнищевых родиник ствердений хрящевых вразей-де юродиевых застываний должновения аффективных смертей бонмотистоеги младенцев премещений Авраамовых елизаветовых навещаний кропьего сребриста кругов узоров одноплоскостных в агариего пенязях овмещения попадания содесного громождения рапсадающегося иль врозединого формою означенного облачения Вильбиргия славы подвенстого в резях античности сонма пятипутья Муратория августовых Онанов привежения помещно-де площади плебериановых глаз поодаль и чуть на первопрестолавенировых хороших самоназванных пастухов:

Кажется, с появлением Тфальры я переродился: исходящий от кружка свет не был светом осреди мучительно тянущейся мги бездеятельности: напротив, с Тфальрой мне стало лучше: условленное моим возвращением было долгожданными, сопровождаемыми действительными значительными успехами радостями коллег тепло принято, особенных проблем хоть с каким-нибудь из аспектов своего здоровья я не испытывал, однако особенные блики человеческих лучей одно доходили от меня, и шли они ото Тфальры: я христианин, и потому не могу горделиво довольствоваться положением главы кружка: когда Николай начинает несколько выходить за границы приличного в восхвалении меня, я подсаю и прошу его внови упомянуть, что я есть только канал, через который члены кружка, последнее время своевольно называющие себя тфальристами, узнают об истине: итак, я не могу и не должен бахвальствоваться своим положением, и остаётся мне одно видеть прекрасное в тфальристах: люди эти, прежде, что даже страшно и тяжело думать теперь, некогда вызывавшие во мне душевное напряжение и, да не будет грех этот не искуплён мною, даже лёгкую отсутствующую неприязнь, ноне есть моя единственная и восхитительная же семья: все они стремятся к правде, стремятся к обретению Бога, чему способствуют мои личные богословские изыскания: уже полгода разумея Писание, я нахожу в имышлениях богословов некоторую, что будет и самой своей сказательностью грубо, да я решаюсь на ту грубость ради применения Чуда к Современности, некорректность, неточность, причиной которой есть не их неучённость или та, что я и языком своим скверным не могу произнести, а скажение времени: мысли их были применимы одно к тому времени, когда контексты стали страшно изменены: отталкиваюсь я в своих богословских суждениях сразу от нескольких, как раз и занятых своими доказательствами теорем: современное Государство есть скорее неблагодать, чем закон; Чудо в современное время невозможно; Церковь, ставшая подвержением Государства, затруднила приспособление Метафоры к Реальности, и потому ряд Ритуалов должны быть подвергнуты дополнительному осмыслению; Слово есть изменяемое, и означающее не есть означаемое; православный, как и католик в православной, должен мочь молиться в католической Церкви; анафема невозможна, в таинстве Евхаристии недопустимо

использование алтарного алкоголя; еретичество как явление есть жертва Государства; допустим среди всех постов только вечный пост, где человек навсегда отказывается от приносящей вкусовое удовольствие вне неизобилия еды; молитвой является всё, что содержит обращение к Богу: так, молитвой может являться и вся жизнь, субъект которой верует в Господа: так, обыкновенная молитва является необязательным и излишним.

Среди нынешних тфальристов нет ни одного человека, что ранее был воцерковленным верующим: многие, более половины, были крещены, однако самой последней исповедью была исповедь тфальристки Маши, когда ей было ещё девять лет: тогда она была оставлена на лето у деревни, откуда её с собой водила в церковь бабушка; вероятно, присутствуя на вечерах Тфальры некогда и ныне воцерковленные, меня бы считали чуть не за преступника: многое из только сказанного и уже доказанного для приличного православного если не еретический вздор, то умилительный деистический лепет, однако мы смотрим на всё с великой серьёзностью: постепенно время вечеров увеличивалось: начиная с кухонных малосерьёзных притчеватых разговоров, мы дошли до вполне научного вовлечённого диспута: отдельным тфальристам я дарил задание подготовить доклад по историко-культурному контексту, сводкам переводов и семиотическим тонкостям: иногда даже отдельным энтузиастам, кто не мог справиться с задачей доклада, хотя справиться с ним до сих пор прилично так никто и не смог, кроме Николая, я задавал учить наизусть или на пересказ важнейшие отрывки из Писания; конечно, высокого уровня тфальристы самостоятельно достичь не могут: почти все из них есть люди бедные, малоспособные, малопонимающие и с плохой памятью: во всём коммунальном доме я был единственный с высшим образованием, люди эти были часто людьми зависимыми и больными: из четырнадцати тфальристов только Николай мог выполнить раз в три попытки задание удачно, и всегда попытки его рассматривались остальными как чудо: происходил Николай из беднейшей семьи этого города, и то лишь отличало его от меня, что в тюрьме была его мать, а не отец: отца он так же не видел с раннего детства; итак, Николай, невысокий рябой, даже выдающий в своей хромоватой походке слабость глупый светловолосый голубоглазый мужик, являл чрезвычайно необычные для человека такого рода терпение и самоотдачу в наших занятиях: ещё с моей позорной раздачи книг Писания он ощутил нечто особенное во мне, и именно он в некоторой степени стал причиной появления Тфальры: не займись я тем днём углублением в дизайнерские тонкости Тфальры, едва бы продолжил всё это так; следуем: жители дома, каждый из которых стал весьма убеждёнными соделителем моих богословских идей, не имели тонкостей ума и веры, чтобы обнаружить в сухо названных таковыми теоремах того страшного, ужасного и необычайно дерзновенного, которое я хотел объяснить: они почти слепо верили мне, вкушали каждое неизвестное слово великим доверием, и появлялось иногда чувство, будто занимаюсь

богословием здесь один я, умалишённо уверовавший лектор, ученики которого не имеют таланта продолжит дело: мысли все эти пугающе отравляли меня: часто посещали меня идеи трудиться не так, как я тружусь умом сейчас, часто я подумывал допустить неточность или двойственность, однако я почти рассудком порешил многое: очень многое; оставалось дать этому номинации, дать название моим идеям, что ни в коем случае, несмотря на присутствие авторства, не содержали и каплю гордыни; верили мне в том числе и из наблюдения моих аскез: таковые они, как выяснилось, видели и до появления Тфальры: мои большие обособления виделись им практикой, и то я оспаривать не стал, также ничего и не подтверждая, в сердцах наблюдая всё же некую нечестность, как и нечестность исповеди: так, я подверг себя куммуляции греха: я искренне верю, что Тфальра приведёт к благу этих людей, однако благо это прервётся, если в исповеди я упомяну свои методы: упомяну, что неизбежная учительская нечестность становилась не раз причиной генерализаций и интеллектуального излишка: озвучь я это, меня бы не менее, чем выгнали; аскезы мои не включали серьёзных отказов: вечный пост структурно состоял из довольно хорошо проработанных мною диет: постепенно уходили из рациона мясо и рыба, после человек должен был избавиться от приправ и сладкого, и в заключительной форме вечного поста обязателен приём витаминов в наиболее безвредной и естественной формах: рыбу я не ел почти никогда, а от мяса множество раз отказывался скорее не по своей воле: так, бобы и гречневая каша есть основа вечного поста: обязательны овощи и фрукты, сладость фруктов должна подавляться неуместным употреблением наподобие употребления с гречкой; аскетичным все видели и неупотребление проходящих чрез гематоэнцефалический барьер: меня то никогда не увлекало, и никогда это мне не казалось стоящим внимания; спал я довольно и иногда излишне, за что наказывал себя после продолжительностью учений: именно оно теперь занимало почти всё моё время: ноутбук, подаренный мне тфальристами, уже окупил себя: ежедневно около десяти часов я провожу за своими исследованиями, так же усердно работая и проводя вечера: окрасневшие рябоватым жиром глаза теперь всегда напряжены, спина моя зудит, а голова побаливает, но то я даже не отношу к проблемам со здоровьем: это сходно скорее с мозолями над ключицами от вериг: оно больно и вредно, но продолжает напоминать о твоих занятиях, которые, стоит вспомнить, за все эти полгода ни разу не были в тягость: не говоря о благодати и молитве деянного, я как человек не испытал ещё натурального недомогания или усталости: всё это вродилось во мне величайшим удовольствием и даже манией, которую я контролирую вечерами; поскольку молитвой может быть любое из обращённого к Богу, наибольшим из обращающегося является страдание: самым простым и полезным страданием являются физические упражнения: вместе с тфальристами мы регулярно проводим часовые тренировки, к которым готовы вовсе совсем немногие: есть среди соседей и болезненные, и пожилые люди,

и поэтому насильное упражнение скорее запрещено, хотя начать обязаны все, дабы сохранить и воздать помысл; именно спорт подкрепляет мои спину и ум: со всем мне стало гораздо проще и лучше, и только редко: очень редко, но иногда: иногда меня немного пугает Николай, широко окрывшимися тараканьими пялами светящимися безумными глазками укалывающий в моих идеях недолжный страшный радикализм, и эта деятельностная подвижность ему только приятна: он был бы рад силой обратить кого в тфальристы, и то я предупредил заранившим: если он начнёт дело толка уверения или хуже: без моего дозволения: то более не будет принадлежать Тфальре, нашему скромному философскому кружку.

Отчего я решил, будто волен самостоятельно судить веру и знания богословов? сначальничьими положениями своими я нисколько тому не противоречил: мы соблюдали каждый ритуал поодиночке: групповые походы в церковь такими толками могли бы быть подозрительными, и всегда мы боялись обнародования нашего кружка, что был не опасен опрочившимся, а попросту являлся кружком: лишь после, в объединении наших новых знаний, мы стали опасаться Церкви как способного очернить наши действия еретическим знаменем; очень долго, в сердцах имея вопросы к ритуалу, я поклонялся Господу и соответствовал говоримому не Господом: всё честнее понимая, что бедный дьячок благоднее и вернее архиерея, я стал находить порождаемое способным к греху, и в способности этом обнаружено было самодурственное творение: то проходило чрез историю и нуждалось в контекстном добавлении, да я исследовал это: я исследовал символ и существо, и в дрожащем страхе я предложил эти теоремы: в ужасном сотрясении души я изучал, изнавал и мыслил, и всё более я приходил к правде моих мыслей, что часто отходили от тупой прямоты формулировки, однако должны пояснения я всегда готов был ввести; копоть отданных нищим с симоновского столпа моего никогда не запревала неправдой: всё я шёл к истине, всё пытался утвердить осчитаемое нужным и полезным, когда аввакумовская яма твердела моей уверенностью: я прекрасно знал о стонущем рябыми ровнями противоречии с Церковью, да занимаемое нами называлось Тфальрой: тфальристы есть только предлагающие, а не утверждающие, и потому покамест допустимы нам мысли такие, и в пугающем, ставившем в случае воплощения себя нескончаемым кошмаром сие я готов признать Тфальру только светским мыслительским сообществом, рассуждающим о вере в недопустимой свободности; сперва антураж мой ото действий всех был необъятным: думается, избавление от прежних болезней освободило во мне неугасаемый мощный потенциал, мощь которого склонялась к грубости своей исключительности: сперва я не сомневался абсолютно ни в чём, удовлетворяясь пришествием своей значительности: целые четырнадцать души обретали Бога благодаря моему просвещению: все они нуждались в Нём, и я исполнял важнейшую из представленный роль: режущий, сходящий с моих немытых волосатых подмышек смрад

иногда отвлекал меня, да не более моргания: ежечасная гимнастика ранним утром и вечером помогала продолжать сидеть в прежних обстоятельствах: я всё оптимизировал и всё сравнивал с долженствующим: ноне зародившееся должно было расцветать и почти без моего вмешательства, и. Пять часов утра: уже час я бодрствую, успев исполнить получасовую тренировку и без умывания столько же осидев за ноутбуком: всегда начинаю я с чтения Писания: час каждого дня обязан начинаться с этого: перечитываниями Его я робко устремлялся к точному заучиванию, и тому всегда был несказанно рад; несмотря на мысль уделения предельного времени изучению, человеку как созданию привычны непостоянство, неусидчивость и праздность: несмотря на противление этому, ум мой порой помутняется, и ради большей точности получаемого знания я делаю одноминутные перерывы, в которые двадцать секунд легко массирую глаза, оставшееся время проводя лежа спиной на полу: то помогает и без гимнастик несколько упрочить проблемности телес; ригоричная холодность моего ума нацелена на цельную неостановимость деянного; Теогер удерживает дождь.

Грифельные света ото привычно сшарпанных грязью чловеческого неприлежного, объявленного кликушечьими доверениями признанности оплотнения некужедого срастанием удовения изначально означенного блеском металлических проводниц бурдовых неспособностей человека явит и оторовленные случайным угадыванием Дьявола в поличувстве визионерства воспалённого искушения современностью явления одарить отпадения плотностоящих моим замечанием к плотности неприязненного мутного сальферинового, опрастывающего фиолетоватыми сглублёнными твёрдыми нитями пятна стен прокладываются ко мне, отстоящему радужноватою непринадлежностью к отданностному в плотной вородности телесноокрашенного ноне, ударяющего проффесновиденным в исмысно вогженных несправедностью замечания вопения срожденной знамением гадости же человеческого в складочностях приставления чуждого гостением завтрашенного девением чистоты подпроникших гровелением правления рези рокотов тех взбухших рожденностей ужасов скромности падьях стола, и тусклою костью проникающее в одавлении номинирования прочного шумом непродолжения тишины тех озабвенных, иногда всёжде мелькающих означенностью нечужденных молчаливых писков ярких красных одавлений тумбочных неправлений щелчков: постоянство моего занятия сближается с колючей природностью спадающих телесами трупными органов: я медленною, на деле обворачивающею взбутетенившимися дрожьями явственно оплощающегося дурманящею стратою тела согбенных означений труда спокойностью читаю и иногда записываю отрывки в чёрный прочный, обыкновенно сомкнутый белёсостью уплотнения еле содвигающейся к центру кожи блокнот: порой я поглаживаю случайным манером отросшую за полгода бороду: мои светлые каштановые волосы только изредка намекали на рыжеватость бороды:

рассчётливо собриваемые остроты еле оранжеватых, видимых лишь в хорошем, крайне редком в моих положенностях, являющемся одно в школьном общем туалете освещении волосков ранее меня не означали: теперь же брада моя обрела явный яркий красный, иногда преливающийся радужными счетлыми собиениями цвет, и сочтенная правленность её направления устремляется всеми власами своими к полу: шевелящая иногда ворот моей рубашки, она нисколько не повлила на мой быт: уход за нею во мне скромн, однако насущен: коллеги, кажется, только поддерживают меня в том: современность именно моей страны поддерживает любую традицию, будь то даже заблуждение или обыкновенная нетрадиция; уверенно щёлкнувшая по беспроводной, не требующей, впрочем, и близко такого усилия чёрной мышке рука моя чуть ожала к боку, дабы обратиться к блокноту, да на первом этажи послышались громкий раскатистый хлопок и стремительно направляющиеся, видимо, ко мне шаги: ситуация эта не была обыденной, однако обращались ко мне соседи почти всегда, и оттого явленность моя здесь всегда была подвергнута готовности ответить или пояснить, но удивительного звона шум ударившей стену мою хрупкой двери замедленными тяжбами проникающей сзади вошедших высоких крепких, однообразно одетых в чёрные спортивные наряды мужчин и Николая бронзы облачил в середине блюда моего детский растерзанный трупик: шарлаховые блики ещё свежих рваней будто огрызанных кем-то небольших, подобных игрушечным, шлёпающих тяжёлыми рубиновыми и чёрными сгустками оставшихся тошнотным торчаньем органов пребывались мареновыми остывшими пятнами ссохшей, начинающей облупляться желтоватыми лимфами ороговевших твёрдостей крови: морковная из осевшей тонкой липкой власти ониксовой рудя кожа очень редко пробивалась сквозь зыбкие рождённости выпирающих маслянистых клыков желтоватых мелких костей: запрокинутая порванной почти полностью, держащей её лишь несколькими резиновыми пламениевыми блажениями шеей голова оголяла весь изуродованный, обнажающий самое непотребное употребление оставшихся мякишей вонючего, обелевшего рельефными плотными, крепко прикреплёнными лужицами мяса череп лица: глаза вытекли и открывали только черноту его кровавых бывших пял: рот был изорван и открывал только черноту его давящей разобранном выпирающим книзу тонком, подобным чем-то и на прохудившийся умиранием цветов винтом языком глубины: густые светлые волосы его беспорядочно слипались с вырванным мясом: ребёнку было не более шести лет.

Случай этот обрёл информационную огласку, но, несмотря на все к тому направления, о Тфальре никто не узнал. В этот день Николай вёл ко мне трёх человек, о чём я не знал: Дмитрий, мастер спорта международного класса по боксу, сорокасемилетний тренер и только недавно вышедший из профессионального спорта боксёр, человек ростом почти в два метра и весом, как сказал Николай, видимо, желая меня впечатлить, в сто тридцать килограммов, имел

тяжёлое большое, покрытое многочисленными, могущими легко напугать неизвестного красными и уже потерявшими или не имевшими его никогда цвет шрамами лицо и страшно разбитые кулаки: был он, безусловно, самым большим и сильным из троих, однако двое его учеников также имели почти синхронизированных у обоих до сантиметров рост в сто девяносто и звания мастеров спорта: они были ещё юны и трудились на свою карьеру; людей этих привёл Николай, дабы они стали тфальристами: он сказал, что нам нужны сильные люди, однако едва ли он понял обнаруживаемую мною в иных силу должным образом: отказать я уже не мог, учитывая и то, что сокрытием существования Тфальры мужчины уже стали её косвенною частью. В тот день в близлежащей лесном парке бездомные собаки покусали беременную женщину и сгрызли гуляющего вместе с ней ребёнка, труп которого зачем-то притащили к коврику нашего дома: мужчины и Николай не знали, что можно было сделать, и моя нерастерянность, кажется, смогла в чём-то убедить Дмитрия. На деле же свершил я почти всё самое нежелательное, не помолившись за убитого и не предав тело его земле: чтобы не разливать ребёнка, мы поместили его в обыкновенный мусорный пакет, отдав после его уже Государству; не помолившись, я будто противоречил себе, хотя и следовал своим же идеям: противоречие и слёзы мои видели мужчины, после, несмотря на изначальный скепсис, серьёзно согласившиеся посетить наш вечер. Пришёл тогда один Дмитрий, во всех вселяя страх и часть тфальристов раздражая едко пробиваемым в непослушных вставках его семена скепсиса, однако Дмитрий продолжал приходить, и на четвёртый раз пришёл с теми двумя учениками: на седьмой и девятые разы учеников приходило всё более, и Дмитрий уже не позволял никому насмехаться над сказываемым мною: с тем я стал увереннее и позволял иногда себе прежнюю притчеватость, от чего чуть позже снова избавился; скоро гостиная уже не вмещала всех, и некоторые полагались на ступени ведущей ко мне лестницы: удивительно, но эти современные, позволяющие себе избиения дети были моими самыми умными и послушными учениками: Дмитрий оказался теперь умнейшим из тфальристов после меня, и он даже сам сформулировал оправдание боксу как той же духовной практике, что и спорт, однако позволенной профессиональной выдержкой и силой молодости: это я принял; через два месяца пришедших от Дмитрия стали называть дмитриевцами: этих людей соседи вскоре полюбили и приняли, а самих же моих соседей уважали как приближённых ко мне. Тфальра росла.

Пустота опревших трудом мгновений: каждая минута жизни моей есть направление к тому пределу, что стал не целью, но средством, перманентным напряжённым состоянием: я действительно не отвлекался ни на пустоутробные ветреные отвлечения, ни на совершенный тою же несущественностью отдых; проснувшись в пять утра, раньше я мог с семь часов, нарекая оправдывающий ту бездеятельность голос свой неловкой, проявляющей настоящесть

неспособности тогдашнего дела дрожью, вовсе ничем не заниматься: разумеется, тревога наступающего к тебе тяжестью иной продолжительности сна имела собственное влияние, да более приходилось терять объект и размываться своей субъектностью: труд требовал эндогенного воздействия, и пуще упрощающим то условием могли быть лишь стимуляторы; оправдывая болезнью лень, я приходил к самым своим глупым и бессмысленным состоянием: вечная погоня за чем-то: вечное терпение белой и черной мышей и довольство спадающим с листьев мёдом превратили меня в сильнее иного унижающее своё существо создание: даже не касаясь оксюморонам подобной формы Господа, стоит сказать, что ранее я как человек не смог состояться: решив медленно дойти до автобуса, я наблюдал в трёх метрах от себя его отъезд: смалчивая знание за апофеозом собственной гордыни, я терял хоть то немощное, что мог обрести: критикуя за неисследованием и непродукцией, я представлял равного шуту, ибо возведением целого же учения не ставил в свою задачу; тихое молчание сплавленных градиентным отпадением ото самубийства контрастовых преплещений отваливалось жирными кишками ступенчатообразовых ужасов: вероятно, облик мой прежний был умытей и обманчиво красивей, однако одно мне было известно, сколь мой нынешний смердящий, обитый тяжёлыми копнами влас, открывающий дверь в коридор лишь при задыхании, объятый тяжеловымываемыми графитовыми пятнами облик есть приятнее облика прежнего, даже излишне обмытого и благо пахнущего; пока я не начинаю задыхаться, я не открываю дверь в коридор: даже тренировки мои проходят в головокружительном жаре, ибо излишен хлад при способности стерпеть духоту отяжелевшей вывернутыми своими сребристыми сковами жирных влас металлических, всё становящихся сквози своборания освежёванного манекеновою ложбью оставленного общиенностию полнот обретших вне желанного содеванием опушенных блажиями стянувшейся условностию одуглившейся темноты вновирожденного невосдвигения прочного принятия отдалений цепями комнаты: иногда бегло прерывающаяся ненастоящими, сложенными скорее предложиланиями сквози теней тех опадающихся ставостей согбенного уволения осязания внови обособленного неизученностью потенций отрывистых одно заблуждённостным неволением угловатых спиц вымиления тошений тех обугившихся невозможностей произнесения и неспособности явить вовне нутряное обеление тонкостей тех яркостями непрерывно цокающего довленностями прочних освобождённостей приятых веригую правды ото случайности неистинного в довлеющем недействии терпении более прилеженных сквози отлевленностей тех рокотливых, униженных евением человека-де останываний бодрствований плотий ноутбука темнота: медленно прибывающаяся отрождением высланной бредовостью несоотношения субъектного с объявленным тою же субъектностью объектным яркости к тихой ложбою скрипящих вровлений овести одно потенций тех дрожащих онегий шепчущему кроволиянною

яркою долию осевшегося слабостью неявленностей обивающихся гулом срывающихся овеченным, вновленным уверенным, остыженным истинным песновением означенного дурным ото верхости радио тоготного, влаженного и изначально замыслию несовпадения дроблением песков врат сухому горлу: верное одиночество творящего: то несъясненное, облаенное воспалением приятства напряжение того и оно: в онном всё спрягается сонмами неудиления продолжания овронных сокрипываний кожистых принадлежностей возведённости окрашенных цветовостью материалов тождествий того повления излишности пороста огравленных великанами столпов небес; напрягшиеся вымученным отдаленностью технического кистьями помаенного личностями того зияния отравляющего изродованными кольями воленностей правления горавленного сплав

ниями онного, выпаренного ложиями помещённого смертию материнского в снасиловании тоих сеноглавых язычеств неудаления давленнного материею наибольшвующею ото самодоведения тех несомысляемых структуровых жанров отпавших последними лавиянными стгораниями одно уготовленного шизофазией ушевых структур того вожения импотенции видов толкового в невозбухании иных гноев в локусах сложения рубцеватостью осязания самовожия слагающихся валентностью неверно определённого заведомою ригоричностью вожделения узнания того плода остинания едко соропившейся гостением увлажнённого столами ослученного срасходыванием тождествий давоенного дивления исконно сотратящегося приставленностью существа малозначительного одовлестия значения значительности как должного овещеванию собственного оробения классического генерализацией дома вины ума несуществ жертвенника осмеления низами света соголением тела овыдуманых колец осдавающих положения вырвиенностью почернённого, овладенного белёсою, отбивающею проченние ложения впоренностей огладающихся звуками семенящих мелостью собственных чисел одновывровдоенного сравения смедления одаренной подробности сочувленных вопрошаний ото смывней шатающегося востростию окраенного шёпотом ежовых полений приглаженных невольною отовестью привлечения скупости способности в кристаллизующейся долации прочних тренировок несплывающегося косвенения лиловатых шумных одвиженностей беспокойного, отдавленного продолготною чувствием дома как единственно принадлежного, зудящего усилением вношнего, одаенного сбухшестью мощи срывающихся пузырями гигантских трупов ужаса болью стучащим в забавлении густот текущего звенением состремляющихся упорствиением самовыученных сосекундовых продолжающимся соскабливанием туманами собразующихся сокиением кровленного невысыханием заготовочного техникой перевода технических введённостей снегов душных перхот жжённых, смывающихся совелением кривающейся тошнотами выпадающих отлипанием слезшей востонностью щепления ненадежного куммулянта

сального, дубящего медленностью опроникающего в верви рыхлых резнёю сособственных упорствий сосудов страдания голяющего неверностью ошибки и номинированного трагедией сшибки несовпадения личного и условленного природным случаем жира стонущих щебетом скрипящих птичьим писком внеэпатажетиражированных солением очерневших в ониковые лужи синяков под лобызающими внутренностию своею бурдовою дастоностию в рабстве воздушных тяжестей сносимых дробью желтоватых, сливающих свои смрадные семена булькающим притвором ласкающих кукольною неволею человеческого ото седения плотей присталяющихся глубиоу сонесения резин гибкостей тоего непрерывного шелеста соприсутствия тожде обыкновенно убранного властною ношного и ослаблением чувства одной и возможности самобытия вне страдания над понятием унынного вношного с теми непрекращающимися зыбкими рожденьями темноты и жиров людских нечистот ветров костей глазами моими пуповин органов тоски крыл ожиданий сердцем сна корпений металла ветровый прелостью облака крюков: жир сдирается с человека, и плоти оставшиеся обоесжигаются резью дробящихся воплей; слезший кожей гигантский, облазивший свои скатившиеся, совершенно круглые, безызъянную аlostью уставленные в тебя слепотою перламутровых зрачков глаза, вырванный опухшим гноем человеческим, окрашенным рудою того носом клюв, имеющий сочный красный, прихлюпывающий неустанно пристальным глядёнём человеческий рот цыплёнок.

Оробевшие теснотами улиц, спаянные едкой искусственностью школьного, потягивающегося сширениями неуспокоенных, поведающихся ветряными прахами привычного, излишно синтетического прочного безвкусного запаха импульсов света окна освечивают снова отравительные, присталяющиеся ко человеку грилеперливыми оставленными сверениями однажды вдавленного и навек искажённого свободы: ослабевшие силой руки мои положатся отhone особенно крепко и чётко: бывшие неуверенные шероховатости допущений стронного есть сейчас одно опаренный прошлостью опыт: более я не колеблюсь и не совершаю ошибок, и причинности тоего совершаются не ото гордыни моей или нарочитого характера: труд школьного учителя более не кажется мне тяжёлым, хотя то и не становится причиной озабыть все особенности прочного толка: свежесть школьного оприсутствия, польза детям и возможность нечто дать им содержат в себе достаточные поводы не видеть в ремесле данном одни лишь внеутробные слабости корпоративной вымученности: соделав подобное решение, я всего за пару дней труда изнурительного эквивалента своих обыкновенных упражнений по изучению богословских текстов завершил своё профессиональное знание всем, чем только был способен его завершить: уроки мои теперь часто снимают и выкладывают как примеры крайнего учительского гения, мой быт всё более нагромождают формальными обязанностями и шансами проявить себя, а ученики уже вне

былой выборки поголовною заинтересованностью после уроков обращаются ко мне с самыми различными отношённости́ми; стою я ноне гораздо устойчивее, хотя и собственный интерес же в именном деле ото меня отсутствует: я выполняю всё машинально и с дерзновенною свободой, что сейчас выходит за всякие границы и позволяет мне порой действовать самой крайнею своевольностью: теперь я не беру на проверку тетради и имею правом изучать вовсе иные разделы, то, что сам считаю нужным, и в случае претензии школа за меня заступится, после пояснив мою важность и продуктивность выбранных мною методов; еле проглядываемый налив жёлтого пятна на раме окна, подле которого что или ото чего я рассматривал прожден, снова неизменно моею внимательностью обретает наставленно овязанную сторони́ем орастания вношнего важность: ребята дописывают работу, которую должны дописать дома, на следующем уроке рассказав основные тезисы и прочитав избранный отрывок: кто-то надеется успеть дописать всё сейчас, кто-то вовсе не имеет претензии написать что-либо или написать то во время урока, однако я ни за кем не слежу, позволяя желающим, стонущим ото тех вожделений в том сидеть в телефоне или отсыпаться; проходящимся в глухих стенах довлеющей теснотами рокотливого орозовевшего избыточного ошатывания врастающихся светящимися сребристыми приверениями надлежностей говений тоих чистонаправленных, оставленных пузатыми приростами владениепочения гладей темноочертий школы поместным звоном: шоркающие гудящие постанывания ударяющейсея об пол и ножи парт обуви начинают смешиваться с ещё неуверенно начинающими свербить ото прежней тишины в несиправно навязанных тяжестью школьных несовершенствий голосами, и боле чуть позже прозвучавшее ото меня уже формальною оставленностью освобождение всех не имело преждних властих и соделений тоего человеческого принадлежия: несмотря на кажущуюся в том совершенствами школьного поведенческого штампа, ученики так торопятся собрать рюкзаки, дабы подойти обратиться ко мне: готовность к выходу, видимо, стала обязательнопринятым ритуалом или одно наиболее последовательное правило содеяний тех; едва заметно поворачиваясь, я уже вижу излишне радостно улыбающихся, чуть волнующихся в заранее заготовленной словесною точностью реплике ребят: легко улыбнувшись, я слушаю скорее изначально лишённое необходимости разрешения к озвучиванию того обращение к себе: неловкостью одно решённости содейть то многие почти театральным жестом приводят вопрошание своё к средству рассказать о своих переживаниях и прочнем новом, кто-то решается выделить свой ум вопросом специального толка, а иные лёгкой фамильярностью хвалят меня и разрешают себе излишнее: удивительно, как особенность эта явилась одинаковой частотою почти во всех моих классах: вероятно, обо мне говорят много и многие, и оттого некоторые даже передают вопросы детей из других классов; отвечаемое и слышимое я едва ли запоминаю: давно обучившись получить ответ на

обращение уже после первых пары слов, за тем одно слушая в свои удовольствие и праздность, я рассматриваю то некоторую исповедальное практикою: им становится лучше, и потому я осмелел делать вид серьёзного отношения к предмету во время всех вопросов: порой меня спрашивают очевидно лишнее, и тогда я попросту уваливаю от ответа, в редких случаях на благо дерзновенности ученика озвучивая откровенную неправду, хотя животными-де особенностями своими, несмотря на все практики, я порой испытываю гнев или честную неприязнь к ребёнку. Надя всегда выделялась, и далеко не всегда её особенности вписывалось к имеющим формульный ответ репликам моим: её заинтересованность во мне напрягала и раздражала: я знал, что она хотела бы услышать и какие варианты ответов проговаривала про себя, однако всегда я отвечал ей холодной рассудочностью: так, как она единственно была готова услышать мой ответ, гораздо более должного осмеляя свои способности; сегодня она последняя: то не редкость, и потому ко мгновению этому я отдельною нерасслабленностью подготовился: выглядя нарочито уверенно, она сбивающимся голосом начала привычную тираду: думается, именно внутренний стержень её вежливости ещё довлеет в такие мгновения, и пред пошлой откровенностью она продолжительною неуместностью очерчивает граничия неприглядной месту и адресату реплики: к концу того введения она перестаёт задыхаться от волнения так сильно, и ожиревшие полудневым неумыванием лбы её более не пошатываются прежнею частотностью: едкою влюблённостью в меня улыбнувшись, она придыхательно начала рассказывать то, что было после тишиною вежливого незнания ответа умолчено и свёрнуто в ничто, что я прокомментировал уже условною, совершенно малозначительною репликою, которую через час не смог бы вспомнить и отдалённо: ушедши из кабинета Наде, кажется, стало легче, когда моё самобытие-де отяжелилось непривычною плотностью; оставленное в пустоте школьного гула тело моё олежало прежнею неготовностью, и я так и не знал, как бы должно было ответить на то и как следовало её остановить от озвучивания, кажется, исконно сотрепящегося к моему остановлению; её родители развелись, и она осталась с претензирующей вечно нарочитым ожиданием от дочери иного, ясного в своих разрушительности и пустоутробности одно осторожному наблюдателю совершенства мамой, которая на протяжении уже пяти лет водит домой интервально сменяемых и возвращаемых мужчин: сперва они закрывали все двери за приставлением её, хотя то и несколько не помогало, да теперь даже дверь в комнату часто распахнута на предельные возможности свои: в один из таковых разов она подглядела и поймала взгляд только ускорившегося мужчины на себе: желая отомстить матери за тиранию ото ожиданий прочних бытовых идеалов, она в дурственной переписке согласилась с мужчиной тем встретиться в их же квартире: уродливо стеснявшеюся улыбкой сомешавшись, она скривилась и начала ожидать моего ответа. День был бесснежным: серая пустота неба оседала на человеке, и плоть его

продолжала кровоточить и гнить; со школы меня провели до дома дмитриевцы и Николай: для них это стало обыкновенным делом, что они оправдывали величиной моей личности и необходимостью вечной защиты меня ото иных врагов: я не особо понимал их романтического видения, и потому каждый раз прерывал их хвалы моего труда как учителя в качестве самого честного самоотверженного усилия озвучиванием нежелания утруждать молодых людей: сегодня до самого дома я шёл с ними молча: крошки очерневшего вчерашнего снега едко поскрипывали, и я всё менее желал быть учителем.

Тяжёлая, дубеющая человекоприсутственными, еле слышными во оделённостях хлипко одвинутых друг ото друга отнедеятельностными, продолжающимися во доверениях тонких, означающих помешательство тоих рассудков во единстве форменных, одно обязанных во опространностях холодеющих оветшалостию старого, только едва удерживающего мощные порывы, каже, остановящегося во тяжелениях вношних кисловатых, остыженных становленностию отоложенных ко деянию во благодатных-де мест пространств ветра здания тел становлений стен свирениями комнат гоготами темнота распространялась, распространяется и есть распространение во тоих тяжёлых фанерных сгибах немотного ремонта нашего дома: второй этаж ещё хоть сколько-то способен согреть человека, когда первый во стеночных своих положенностях вовсе давно прохутился; многие спать под несколькими, оказывающимися во мясистых клубнях охрустывающих краснотными, овидаваемыми и становящимися подле незначительными о немотные частые пробегания тараканов, чаще питающихся кошачьим помётом, кои положатся вовсе случайным приставлением ко дому нашему из подкармливающих бабушек, уколами клопов одеялами; оклешумные боли моего ноутбука прерываются безмолвием ородившейся ко его выключанию тишины: комната моя совершенно темна, и только редкий иссиневый свет ото окна ставит эти шипящие непроисхождения ко реальности: перерывы чужды мне: встав, я опустил сейчас непродолжительное обязательное занятие, ибо сделаю его пред ложением ко сну; тихою аккуратностию я подхожу ко двери на только еле ступающим ко тоему во нежеланиях разбудить никого носках: лёгким усилием в сторону двери я освобождаю защёлку от привыченного металлического тихого шуршания и открываю дверь: темнота эта ещё сильнее: она ещё глубже проникает своими ониксовыми диффузионными сточениями ко мне, и я закрываю глаза: те не помогут мне здесь, и потому я нащупываю в чуть скрипнувшем прехождении ко тоему холодную, приятную своею правильною гладкостию перилу: ощутив ногою край первой ступеньки, я робко подвинулся вперёд и открыл глаза: они прожднею способностию не помогали, да теперь мне казалось непоследовательным и странным, что я решил их сомкнуть; шаги мои всё же оставались довольно слышными и значительными, однако я всею возможною способностию ко тому минимизировал потенциальные шумы:

уделяю подобности внимания, каже, совершенным мелочам, я вдруг попытался определить свою цель: то, куда я иду и зачем вовсе вышел из комнаты; казалось, при открывании двери не возникало и малейшего помысла воздумать о бессмысленности того, и я подобною уверенностью направился вниз, туда, где, в общем, и нет ничего уникального, где нет ничего, чего не было бы сверху; несмотря на еле окравшееся сооставленными одолжновения положенностей тех зыбучее сущение оходящегося, я продолжил шаг: тот замедлился, да был шагом, и: мягкое, да чуть овонявшееся несвежестию: еле шевелящееся, да уверенно направленное в свою сторону: столкнувшись с чужою старческою рукою, я произвольным бездумьем слегка ощупал её и тут же отстранился бестактностью свершённого; пять недолгих, даже оставленных теперь словно приличным и должным секунд прошли в тишине, и я неуверенною слабостию не духа, но тела: тела, теперь околеблемого любою незначительностию и вношностию: произнёс едва ли уместное приветствие: короткое умолчание оголило преходящий теперь приятною, опомнившею прошлестии и избавившею ото отчего-то проникшего в меня теперь ото тела страха знакомостию голос: Лидия, добрейшая бабушка, относящая себя к тфальристам, кажется, из одного желания показаться уместной в кругах людей более молодых, совершенною беспристрастностию приняла случайно образованную деянностию моих физических робений игру и обратилась ко мне тою же шепотливою странностию; я сказал только, что мне необходимо вниз, и мы оба направились вниз по лестнице, хотя верх обладал ещё менее уникальною новиною: именно второй этаж обозначался всегда побочным и худым уже в неприсутствии прочего предмета; оголяя ноги свои к ночному первому этажу, я словно впервые с ним столкнулся: холодный, опровождающий ещё более осиневшие, значительно светлые во сравнении со вторым этажом из некоторых окон без штор вовсе пространства ветер проходил по непривычным моим ногам; оступив наконец к полу, я словно впервые увидел эти места: увидел именно в той неприглядности, какую ожидал увидеть в прочей карикатурности; Лидия обратилась ко мне снова и позвала к столу: в уже часто оставляемых светах подле стола я рассмотрел две кружки с овисящими там пакетиками чая: чай тот был гречишный, о котором Лидия довольно часто говорила во время лекций в желании обратить на себя внимание или хоть что-то сказать: вероятно, она чувствовала всегда неконечность и лишность своего присутствия: проговаривая то в нервических спешке, задыхании и косноязычии, она в моих немотных ответах всегда находила что-то хорошее и улыбалась: улыбалась сломанною опавшими или скривлёнными чёрною желтизною ото старости и безденежья зубыми улыбкою: изо рта её всегда чуть пахивало, однако я не часто говорил с ней в подобной близости и не часто позволял себе думать об этом: глядеть одно на внешность, на тленное тело, когда Лидия-де была самым смиренным и добрым человеком: она едва понимала, что такое Тфальра и чем мы всё же

занимаемся: видя дмитриевцев, она радовалась и говорила, сколь же недурно, что дети занимаются умом; Лидия пригласила меня к столу: на ней был старых, кажется, даже и советских ещё времён потёртый выцветший халат, на котором ещё можно было рассмотреть еле пробивающиеся зеленоватою кислотною оттеночностью цветы и случайные золотистые узоры; сев за него, она протянула мне кружку с чаем, сама взявшись за пустую и, кажется, пытаясь не дать мне знать о её несодержании робоватыми, будто должными означать питьё, да не доходящими до её сухих обелевших губ движениями: случайною брезгливостью я обратил оперва внимание на остывшие прочною сухостию на кромке кружки песчинки оставленного к общему, неизменно липкому, облитому частыми широкими пятнами гарнитуру печенья: чуть одёрнувшись, я незаметным движением перевернул кружку рукою и опил чай: я любил гречишный чай, однако Лидия часто добавляла в него иногда совершенно неуместные ингредиенты, которые называла изюминками своих работ; теперь она, видимо, добавила немного соли, отчего пить чай с удовольствием было нельзя, однако ото пятой части я испил и прожнею тишиною поставил кружку на стол; стол этот принадлежал общей комнате, в которой ещё спали люди: на кровати, думается, расположились двое, да и я почти уверен, что некоторые оставили свои двери открытыми: с образования Тфальры все мы удивительным образом перестали бояться друг в друге человека: доверие доходило до совершенной халатности в обращениях с людьми, что я не приветствовал, однако соседи мои находились, кажется, в несколько экзальтированном состоянии: с появлением дмитриевцев часть из них словно заважничала и стала прибегать к должной охранности своих предметов и личного пространства, однако теперь всё сталося как прежде: так, что они считали самым счастливым и должным; я же не переставал закрывать свою дверь, хотя и всегда был готов к обращению к себе; Лидия что-то тихо про себя проговаривала, и некоторое время я греховидною отстранённостью её не слушал, притворяясь незнающим, да совершенно понимая, что говорила она это мне, будучи совершенно тихим и неуверенным, едва ли способным сознательно нарушить чужой покой человеком: я чуть пригнулся к Лидии, немного улыбнулся и дал еде слышный сигнал прислушивания моего к ней: довольно непоследовательно приступив в проговариваемому словно в изначо выдуманной, не допускающей напврвленного удобству адресата прерывания последовательности, я понял оперва только хвалу моих трудов: иногда Лидия говорила о том, что я красив и умён, переходя на явную личность, да чаще говорила объективные факты, кои я и мог порой упустить за скоростию изменений последних времён: я менее всех понимал, какие преобразования делаю, поскольку был именно деятелем, человеком, занятым делом; отемневшие ожирающими темноту морщинами лица её не глядели в меня, и только слова её могли подсказать обращение ко мне, да слушал я внимательно: она часто повторялась, да говорила вполне уместно, вполне по делу: говорила она так, да

совершенно ясна была её отстранённость, будто она боится меня или благоговееет предо мною до такой степени, что боится: кажется, всё оставалось таким: всё оставалось ото меня в страхе, и дослушал уже оканчивающийся довольно несвязною неспособностью заключить что-то монолог её я в преливах искажающегося сном видов: желая сделать бабушке приятное, я непроизвольною сдержанностию природного, явленного одно нерассудком отвращения допил чай: некоторое время мы ещё сидели в пребывающей нераспространёнными односложными, мотивированными именно Лидией разговорами тишине, пока она сама не инициировала мой уход за учётённостию главно собственного желания разговора; я привык к прокажённому запаху и хладу помещения: только одумав свою привычность к тому, я спросил Лидию, почему она поднималась на второй этаж: та сказала, что на втором этаже теплее, что в холоде ей тяжелее заснуть, и потому иногда она дремлет на ступенках: возмущивших удивительно мне несмирною недовольственностию таким непорядком, я обещал решить это общими усилиями наших соседей и предложил поспать в своей комнате, в ответ на что Лидия оголила чуть хлипнувшие пытающимся то сокрыть своею предельною силою голосом её слёзы и отказалась, в опытии отвлечь меня спросив, зачем я спускался: я не смог ответить ничего конкретного, за тем рассказав ей почти кощунственную случайностью выбранную почему-то уместным новозаветную притчу. Последним, что она сказала мне, была хвала уже Коленьки, как она называла Николая: она говорила об особенном сюрпризе мне, о котором не знаю из всех только я: она похвалила его за старания и отпустила меня окончательно; ночь эту я не мог заснуть, ослышав прерывающиеся охлаждённым дрожью дыхания подошедшей позже Лидии: звук этот больно бил в меня, однако я решил, будто это есть решение Лидии и искупление её своих грехов. Со следующего дня мы значительно утеплили дом: слушая меня, тфальристы, учитывая и дмитриевцев и самого Дмитрия, также значительно вложившегося в это, отчего-то охотно тратили свои деньги, хотя пред тем я всем искажал, извинившись пред тем отдельно, что помощь эта есть только помощь ближнему, но не практика молитвы. Очень скоро мы собрали все деньги и справились, однако к тому моменту Лидия слегла: она почти не говорила и не ела, кажется, боясь нарушить наши покои и не желая обращать на себя лишнего внимание: опухшие желтоватою краснотою глаза её оголяли, как много и как тяжело она сдерживала свою боль, да она опросила меня обещать ей, что я не вызову врачей: веря в её скорое выздоровление и одумывая только больший вред тревог ото неприставлений воли её, я её послушал. Через неделю Лидия умерла. Умирала она уже в больнице, куда попала в неспособности обратиться к нам: ею сказанным последним словом была благодарность ко мне за работу с утеплением первого этажа. Тфальристы ещё часто упоминали это в якобы мою пользу, однако то только тяжелее оседало в душе моей опавшим признанною мною же недолжностию унынием. Я винил и виню себя в смерти Лидии: кажется, лучшего человека

среди всего нашего дома: именно она умерла: она, но не я, волнодумец и дурак: не я, праздный, общепризнаваемый пошляк. Это стало для меня тяжёлым грузом. За месяц я оспал не более пятидесяти часов: остоящиеся во дверях моих случайною подтверждённостью слуха тфальристы посчитали это молитвою и также старались не спать: среди них были также люди пожилые, и я случайно сорвался тогда криком на них, категорически запретив пренебрегать сном; вопреки моему ожиданию, тфальристы только более благоговели моею озабоченностью их здоровьем, когда сам я не мог сказать ясно: содержится причина того в моей озабоченностью, в нежелании навредить и в отужении помочь, или в страхе снова ощутить подобное чувство: чувство, когда ошибки твои или доводят человека, или особят его смерти; долго я был нервным и особенно сухим. Тогда я читал больше обычного, и лекции-де приобрели характер скорее религиозоведческий, хотя вскоре я и остыл ото уныния того, и стал спать нормально: тогда я совершенно изнемог и оспал целых тридцать часов; директора я оповестил уже после о якобы произошедшей иногородней конференции, о которой забыл его оповестить: увидев меня прежде освежённым и чуть облёскивающим здоровьем, он простил то и без выговоров; работа учителем виделась мне уже однозначно излишней и пошлой: крайне значительное время я остывал одно подо ублажениями юностной глупости детей: оказалось, что учитель может обучить школьника только очень немногому, что занятия новых изошрённых видов моих были куда менее продуктивными: так ученику было веселее, однако он ничего не закреплял в уме: вероятно, суждение это я несколько очернил в уме своём, однако теперь оно осталось для меня именно таковым; я более не хотел быть учителем, о чём случайно однажды проговорился на лекции: особенною, уже пугающею меня в прочей нервической болезни заинтересованностью Николай после неё горячо рассказывал мне, будто скоро я не буду должен работать учителем, однако он оставил явную, словно должную быть направленной на мой интерес его личностию загадочность: к Николаю я теперь обращался реже и иногда даже почти игнорировал его изыскания: я чувствовал, что тот идёт иной дорогой: он не принадлежит идеям нашего кружка: он скорее заинтересован в признании мною своих ума, изошрённости и трудолюбия: в вере он соревновался, и порой то доходило до самых неприглядных карикатур: провожая меня со школы и в школу, он порой обещал, что добежит до неё теперь особенно быстро, и делал то он всегда в моём замечании, словно одно и ожидая моего внимания; я не знаю, кем теперь работает Николай, однако успехи в даваемой мною теории он делает безусловные: каже, именно оттого я и сам стал сомневаться, довольно ли моих идей тому: довольно ли Тфальры даже во оболоче кружка человеку. Душою я будто противился тому, но остатки уныния моего воспарил ко прежним энтузиазмам именно Николай. Моя вера в Тфальру ослабевала, а самих тфальристов становилось всё более: лекции становились скучнее, тусклее и менее содержательнымим однако откуда-то приходили всё

новые люди: теперь даже дмитриевцев считали старыми последователями: иногда я стал замечать, как люди слушают мои лекции во особенных устройствах на указательных пальцах: то было схоже с металлическим, повторяющим форму пальца основанием с двумя фиксирующимися кнопками: я думал тогда ещё, будто то есть некоторый модный аксессуар, однако положился он не только на часто оявляющейся теперь молодёжи; позже Николай с некоторым пренебрежением сказал мне о неких резаках, о людях, придерживающихся Тфальре и избравших путь самоповреждения: словно то есть путь истинный, более честный и яркий; резаки сами, видимо, боялись своих убеждений и никогда мне не говорили о том: на одной из лекций я озвучил мнение о подобном, предупредив дурноты подобного метода: ища простых способов искупления, человек только более забывает о молитве, о содержании: я сказал, что резаки пользуются несловесной молитвой в кошунстве, и с тех пор людей с подобными предметами крайне уменьшилось, а те же, кто ещё имел к тому склонность и интерес, делали это, судя по слухам, в одиночестве или в тайне во время лекций: резаки, кажется, образовались без лидера, ибо того мне отследить не удалось; полноценные лекции я теперь проводил пять раз в день: материал всё не истощался, и я имел силы: имел силы, да всё более худо относился к учительству; теперь я, несмотря на имение материала, проводил одну лекцию три раза: на каждую из них приходили разные, договорившиеся об очерёдности заранее люди, и места всё не хватало: чуть блеснувшее возмущением нежелание редуцировать и сменять объёмы изысканий моё было озвучено в окасательном разговоре с приставшим тогда Николаем, что только более обрадовался тому: у него был некоторый план: тяжёлый, сложный и новый, однако о нём я и не догадывался; мне тяжело было представить настоящее чисто тфальристов, однако позже оказалось, что на лекции ходили только исключительные из них: каким-то образом Тфальра распространялась уже довольно монструозными масштабами, и в том, кажется, был задействован именно Николай. Наконец, ночью он обратился ко мне и сказал, что в следующий день произойдёт наконецтошное нечто. Засыпал я в беспокойствии и боязненности. Тогда я снова вспомнил Лидию. Именно я был её убийцей. Именно я виновен в её смерти. Лидия умерла от пневмонии. В ночь эту дом наш сторожили дмитриевцы и Дмитрий.

В той непостоянной, вечно прменяющейся скорее человеческою моею слабостию зыби духа за два месяца я истощал верой: полнее будет сказать, что истощение телесное превелось на дух, и потому я во всём сомневался: потому я вспылел на резаков, потому я относился к Николаю с почти надменною апломбовостию, и потому изучения мои, кажется, отошли ото несловесных молитв: я действительно искал одно средство занятию времени: пустота в вине за смерть Лидии казалась мне мучительным, и оттого я занимался этим: нельзя окончательно утвердить, что возникающая слава не пьянила меня: несмотря на то, что я не видел всех

тфальристов разом, не мог объять распространение Тфальры, меня прельщало, что люди эти есть мои последователи и что число их росло для меня, хотя пока и сокрытыми масштабами: то ещё наделяло некоторый толк моим занятиям, однако с остепенением всё более дела мои казались изрядно малыми, удивительно бездельными и даже праздными, хотя все собственные ритуалы мы продолжали: спорт становился для всех уже очевидно благонравным делом, и то, что вызывало сперва даже лёгкий умильный смешок и у меня, исполнялось теперь значительными группами в почти аристократической бесчувственности: всё более это нарастало искусственностью, и всё чаще соседи мои за гордостью за первопроставление ко мне замечали, как положение это им неудобно и неприятно: дом стал чем-то странным, да и всё в эти два месяца казалось мне ненатуральным: я видел устройства резаков, однако в полной мере не мог понять, что есть ересь в Тфальре, имеющей те же основания ереси от Церкви: я видел это, но пресекал, подобно школьному учителю, только вношность: работал исключительно со следствием, и то меня, конечно, опьяняло: разгул моих вещей был радостен за пробившуюся стойкостью духа моего: я всё сильнее отдалялся от настоящей веры, всё более уточняя себя в одно исторических фактах: смерть Лидии было тяжёлым для меня событием: вероятно, моя вина во том и стала причиной всего, что я после допустил.

Одеревившиеся кислотами, остывшие хладом приложившихся-де во станостях ослабленностей моих звёзд света: то есть яркие, дубеющие силою остевения во человеческом, и те-де, и то... я просыпаюсь: отяжелевшая лёгкостью сна глава уверенною оследовательностью пребивалась выше, и тишина комнаты: комнаты, отодревающейся во золоченностях утренних, воновиново проникнувших чорез словно нарочито оставленные, обыкновенно единственную строгостью одёрнутые к себе шторы лучей: я встаю с кровати, и мышцы мои постепенно вспоминают бывшие напряжения: они оздорвляются силою прежнею, и глаза мои обращаются изначною негорячею чёткостью: я не испытываю нужды: подле кровати моей положится бутылка воды, которую я смиренною нежадностью спиваю и причиняю обратным местам своим: полузакрытыми глазами я охватываю мягкий чёрный, свёрнутый ополненной трубкою коврик излишней, встречающей одно в специальных означенностях положений тоих твёрдости: веки мои осмеляются противляться ярко оражающемуся совершенною непривычкою к тому, и отяжелевшими жаром ночи ногами я ступаю на холодный, оположившийся теперь напротив двери коврик: семь минут уже оследовавшей за собою мои обильные опотения растяжки сменились началом интенсивной тренировки: первые восемь упражнений проводятся без дополнительно веса и перерывов на протяжении шестнадцати минут: продолжается тренировка рывками образовавшейся во комнате моей осредством поддержки дмитриевцев, также разделяющейся в разное время разными соседями гири в тридцать два килограмма и отжиманиями на одной руке и на

больших пальцах: завершается тренировка трёхминутным джампингдженковым особлением оследующихся пытаний: во конец её я оставляюсь в комнате в совершенных бездействиях: с три минуты я восстанавливаю дыхание и обтираю тело оготовленным мною заранее, остиранным крайний раз уже довольно давно полотенцем: утренние тренировки только незначительную часть свою оставляются несловесными молитвами: более мне это ноне помогает собраться трезвым умом и означить будущие дела: еле оболевшие в отдельных упражнениях, не способные адаптироваться окончательно к подобной нагрузки ноги ещё чуть содрогаются к тому: дыхание восстанавливается: осноющая кор кожа моя преливается уже окончательно крошечною, еле играющею одле орябевших пестротой редких, только чуть заметных окраснений мышц складкой; я допиваю бутылку воды утреннею нормой и отправляюсь в душ: во время это никто ещё не просыпается, и потому обыкновенно я добираюсь до ванной комнаты во одиноком спокойствии с полотенцем и одеждой, однако теперь: сверкнув ощёлкиванием двери, я вокончательным проникновением окасаюсь холодного, сильно пребивающего на фоне облитых усердными трудами теплот моей комнаты воздуха коридора: вношняя темнота его смирялась светом первого этажа, откуда еле сверкнуло иное хождение: я ускорился и скорее необъяснимою неловкостью преместился к ванной комнате, хотя рассудком того нисколько не стыдился; исполнив утренний обязательный гигиенический, довольно скромный во оконечиях своих всё же ритуал, я вышел в коридор и уже нарочитою осмотренностью направился взглядом к первому этажу: там действительно кто-то в значительном числе бродил, и потому после навешания своей комнаты я вышел с лестницы: непродолжительная, словно сожидающая нечто тишина второго этажа остановилась осторожным частым, овлиянствующим во неполнотах скромностей нерешения оклика али шёпота обращением ко мне: почти сразу выходы с лестницы окружили одетые обыкновенною скромною чернотою спортивных костюмов высокие широкие дмитриевцы: числились они в общих значениях до тридцати пяти, и почти всех из них я хорошо знал в лицо: за ними отстояли соседи, сворачивающие граничия уже условными рядовыми, оказавшимися здесь по, каже, нарочитой наводке Николая тфальристами; полупотливым заинтересованным криком они с чем-то начали поздравлять меня, да одно к третьей минуте тоего поздравления поняли они ясно, что я не понимаю причин тоего: непродолжительною загадочностною удовлетворённостью они снова заулыбались и обратились к Николаю, незаметно и мне отстоявшемуся у выхода: во дрожащей тишине этажа он прошёлся сквозь расступающуюся толпу и встал предо мною. Во мгновение это Николай мне показался Дьяволом. Окрасневшие возбуждённостью шеи его дрожали в испарине ожидания: жёлтые болезненные глаза казались смиренными и показывали знания, что я успел в него произвольно ошедшеюстею заключить: одет он был в пошловатое подобие кафтана: волосы

его были выбриты, каже, прямо перед тем, и руки его дрожали: руки его были особенно сильны, и выдающиеся крупностию суставы чуть отпугивали меня: для остальных он выглядел сейчас, кажется, совершенною смиренностию, совершенною приличностию человека, даже православного христианина, да он: он теперь мне виделся Дьяволом: не бесом, не чертом, но Дьяволом: Дьяволом, что орушил прежние порядки, Дьяволом, единственно возможным во искусственности собственной: Дьявол: Николай стал, каже... Дьяволом... Едва отмеченною тфальристами излишнюю задумчивостию я едкою ненатуральностию улыбнулся Ему и протянул руку: я согласился с чем-то, однако не знал, кажется, с чем: общию опьянённостию толпы мы подвинулись к выходу, однако уже в подходе к тоему я понял, что не готов выйти: не готов не только из одежек своих и неподготовленных документов, но и не хотелось мне идти за Николаем: в тихом отхождении во обратно, во комнату свою, я услышал, что идут и ждут тфальристы первую общую лекцию: лекцию, где впервые будут все тфальристы: поднимаясь, мысли те ещё звенели во мне неясною подозрённостью, однако я не хотел разочаровать тфальристов. Николаю разочаровать я был бы рад. Подойдя к выходу через пять минут с дипломатом и в одежде, я заметил, что решительно ничего не менялось: будто никто и не шевельнулся во тоих робких бездвижиях: будто одно Николай прешевеливался среди прочного остояния: не глядя на него, я устремился к выходу, и то он, что я заметил только сбоку, совершенно не понял, ожидая, кажется, великой хвалы ото меня: я шёл к двери, ощёлкивал её вскрыванием и оступал к улице, и всё во время это звучали самые различные, самые распространённые и в желании быть услышанными голоса, кои я частым пренебрежением не слушал, да... да в том я слышал только едкие охрустывания манер Николая: как он нелепою возмущённостию крикнул, как неуверенно шоркнул носком ко мне и как пытался оправдать моё поведение обращением к случайному тфальристу во придумывании назначения тоему; я вышел на улицу: уже значительно отяжелев неожиданностию, в частых птичьих освистываниях я увидел целые гряды людей: по обе стороны дома, где, казалось, никто и не мог никогда поместиться в таком числе, я видел превышающие значительно находящуюся на первом этаже толпы людей, многие из которых отстояли у дороги или совсем вплотную к забору; острые, преходящие во жиреющие отяжелениями немысли глаза мои уже ясною болезненною резью лучи солнца резали меня, и отчего-то в той совершенной необдуманности я решил это должным: я решил должным во нервическом сбиении дыхания не поприветствовать их и даже не осудить последовавших после, довольно глубокий поклон их мне, после чего Николай трусливою опотевшею, что я ясно понял по её отухшему запаху, ладонью приложился к моему плечу и сказал, что то всё большая часть некоторых сегодняшних: акцент тот на незаконченности их чисел меня окончательно взбудоражил, и приподнятою апломбическою нечестностию я оставил его

реплику и касание во молчании и прошёл дальше: Николай ещё попытался во пританцовывании чуть остановить меня, однако после одно стал направлять меня чуть спереды к назначенному месту; начиная идти, я ещё не понимал, что есть некоторое назначенное место: все действия те происходили скорее во трусости природной моей и самом честном страхе, и в прокажённости духа тоего отчего-то возникли во мне гордыня и позорный аристократизм: отчего-то я посчитал это должным: отчего-то во стыде посчитал приличным продолжить ту игру в свою надменную уверенность, когда во сердцах я предпочёл бы обратиться ко всем родственною простотою и поблагодарить за присутствие здесь, означить моё удивление, да: да в молчании я продолжал следовать Николая, и постепенно люди начали переставать говорить: то ли перестали они радоваться мне и происходящему, то ли нашли то единственно приличным подобному ходу, однако шли мы в совершенной тишине: я не знал, сколько человек за мной следует: видел я одно трёх охраннически отстоящих ко мне дмитриевцев и Николая, за чем шепотливым тяжёлым гулом продолжались частые шаги; я не мог представить все те значительные группы людей во едином шлейфе: то, кажется, даже пугало меня, хотя и страшно интересовало: обернуться же я не мог: то казалось мне тою же недопустимостию, что оголить обман своих чувств, показать, каков я всё же, и сколь я человечен на деле: мысли эти укалывали меня и были болезненны, да я продолжал идти: овеченные яркостною, оворачивающеюся самою приятною, обретшею прекрасные, овевающиеся приятством прочних сточновений запахи новиною виды пребывающихся соменённостию улиц такую радужною нетвёрдостью оказывали давно смотренные оболочки вполне заурядных, много облупившихся и часто негодных, да облечённых подобною медоватою честностию ко тебе и времени тоему зданий, и всем тем я был бы способен наслаждаться в иные ослабленности, однако я был занят нервическою дрожью: всё во мне содралалось великою болезненною искрою, и тяжёлыми даже казалось дышать: я случайно следил за каждым вздохом своим, дабы вздох тот не являлся излишно громким, обличающим мою нервозность, хотя о том подумать, кажется, не мог совершенно никто; половину пути виды предо мною белели в пеленах случайных одумываний о числе людей, пред которыми мне придётся выступать, и выступления то я уже посчитал отчего-то должным: должным, хотя я не соглашался на него, хотя я даже не в полной мере могу сказать, как и с чем буду теперь выступать: во нервической болезни я шёл, каже, примерно с сорок минут, как шли и встреченные мною с дома люди: никаких особенных знаков в уже ясно обличаемом грузности свернувшейся во сколиозных ослаблениях походки унынии Николай не давал, однако мы прошли во довольно замкнутую промышленную зону с разрешения кивнувшего чуть Николая и улыбнувшегося мне, пошедшего далее вослед за нами редким неучастным отношением во ту сторону охранника: свернув за тремя поворотами, оперво я увидел вполне гигантское, комично означенное

простотою формы строение параллелепипедных остояний, одле которого оставали три группы людей: группы эти, кажется, превышали своею численностию численности групп шедших сюда, и с тех пор рассудок мой окончательно пребился пленою даже ужаса: ужаса, что я умом своим совершенно не разделял, однако ужасом, что помешал мне понять, как и куда я вхожу: чуть оспособливая в том и улыбаясь, я каким-то образом проник в ангар и был оставлен Николаем к положившейся на возвышении трибуне: некоторое время люди садились в зале явношевеленными во оскрипываниях стульев местами, однако в зал я не смотрел: во мгновения в лицо моё ударялись яркие лучи монструозно ополгающихся ко мне софитов: я старался не смотреть в те режущие солнца, и впервые я рассмотрел ангар этот: и вношно и нутрянно он казался мне по-гадкому гигантизированным: положившийся в сокрушительной долготе ото меня в высоту пятиэтажного здания потолок держался во странных, одичённых крупными ржавыми, часто окрученными во одерживаемых нестрогостию вношной хлипкости болтах балками конструкциях: стены оложились в частых уродливых разводах, и сами верха тои казались совершенно неприглядными: случайною сбивчивостию взгляда я сверкнул глазами вниз, однако не в зал: не боялся я осмотреть пока только бока, и низы стен оказались удивительно приличными: бежеватые остения ангара были добро вычищены и даже редко осияли прочностию вношних красот: то оголялось некоторою излишностию, и я был готов снова удёрнуть пята свои ко верху, как шум из зала притих: Николай подошёл ко мне и окрыванием движений губ своих залу во одержании другой рукой планшета с пустыми листами улыбнулся мне, сказав две вещи. Всё подготовлено. В зале пятьсот человек. Последние слова его орезали меня тупым ударом в висок, и я почти зашатался, сумев вконец смирить то со неслучайностию приставления к трибуне: Николаю я снова не ответил, и тот, кажется, оттого даже еле заметно топнул ногой и нахмурился во невидимости другой стороны зала; совершенною задыхаемостию я перевёл глаза к залу: взгляд мой, кажется, виделся всем уверенным и смиренным, однако только такой вид его я мог сохранять в сокрываемой за трибуной, заставляющей опираться одно руками на неё за вношнюю гримасою суровости дрожи ног своих: зал кишел людьми: они все сидели улыбчивою внимательностию, и все те чего-то от меня ждали: вдруг за спиною моею что-то хлопнуло, и оказалось, что гигантская, полагающаяся почти во всю высоту пятиэтажного дома ткань белого цвета раскрылась еле продолжающимися робкими шевелениями: на ткани той была Тфальра, какую я некогда доработал и показал Николаю. Во мгновение то я был готов изничтожить Николая: орезать, избить, удушить его зачарованный, снова улыбающийся во отдалении с левой стороны вид. Я повернулся обратно: к трибуне, на которой, как после оказалось, также была изображена Тфальра. Я глубоко вдохнул: точнее, попытался глубоко вдохнуть в той немощи горла: я задыхался, дрожал и опотевал самою явною краснотою, и отчего-то в тишине этой мне стало

так дурно: так плохо и мучительно, что я сам попытался отвлечься от того; рассказывания лекций всегда меня успокаивали, однако никогда я не рассказывал её одновременно аудитории в число более пятидесяти; сейчас я ещё не понимал, что многие из присутствующих в зале не были тфальристами: то были только сломленные, больные унынием люди, что испытывали любые средства слушаний своих состояния и предмета: они пришли сюда, чтобы одно испытать одно из средств избавления от той боли, в которой они существовали, однако сейчас я это ещё не понимаю: я начал, казалось, произносить привычное приветствие во лекциях своих, и голос мой отчего-то был особенно тяжёл и точен: видимо, то было следствием совершенной моей внутренней болезни, однако, судя по лицам находящихся в зале, тон и тема мои аудитории почти сокрушили крайним приятством, крайним оправданием их ожиданий: оканчивая приветствие, я едва уже дышал во оходящихся жирных потах от спины своей, однако отчего-то так легко было сменить тон на более гладкий: отчего-то так повезло мне не замяться и не закашляться, что я начал обыкновенную свою лекция: лекция та не имела прежней стройности и казалась, каже, специальной: столь усложнённой, что редкими пониманиями хода мысли моей аудитория ядовито оживлялась и произносила иногда редкие овеселённые реплики: стройность эту я всегда считал ненадёжной и дурной, однако она была сейчас скорее средством: я не мог расслабиться и говорить привычное себе, и потому придерживался именно такого хода: пропустив за тем оподобленные очаянностью сложения части лекции, я смог наконец случайною сложивостию ошедшихся подходящестию слов и способности говорить обыкновенную должнотию, и так я начал привычным смирённым тёплым оговорением лекцию уже с тою частнотию, что учитывал вношнестии за упоминанием числа аудитории, новины мне тоего положения и особенностей говорения во подобных условиях: так я вернул приятственную мне теплоту ведения лекции, и с тем же снова сменился тон моего говорения: дважды пременив его, я, кажется, совершенною случайностию расположил к себе зал последовательностию академической манипуляции: овладев наконец и темой, и словом, и уверенностию, и человечностию во себе, я стал допускать уместно обивающуюся во попытаниях образовать новое, как раз и оявляющее мою особливость в качестве проводящего совместные занятия знание шутку: довершило всё бутылка воды, которую такую улыбчивостию передал мне Николай, что и я сам ему улыбнулся, и будто даже я был благодарен ему теперь, однако от того я пока внутренне отказывался; холодный, освобождающе пролившихся в, каже, вовсе во одубевшие твёрдотию раны за те непродолжительные превозмогания горла мои глоток воды омертвил прежние сомнения, и теперь я чувствовал себя столь же уверенно пред половиною тысячи человек, как чувствовал ещё вчера на кухне во вопрошании об уже затерянном во тех остевениях знании соседа; я говорил лекцию: говорил, и со оходящимися во опытаниях ояснить нечто и себе словами я всё

яснее устремлялся в зал: стулья стояли удивительным порядком, и решительно никто ни на что не отвлекался: все слушали даже смущающе меня внимательностью, и оттого во мне становилось приятно: мне было хорошо, и все три часа лекции я провёл почти в одном дыхании, и главным было, что слушающие также не устали: не начали спустя полчаса ёрзать и не стали зевать: аудитория была оживлённой, и в завершение я даже устроил удивительный мне самому своей обширностью интерактив со пришедшими сюда; ещё час активных разговоров приставился окончанием, хотя был только час дня: по завершении желающие могли подойти ко мне и обратиться во собственной частности, и оказалось даже, что подошли почти все: то заняло ещё полтора часа, и физически я был уже совершенно изнеможён, хотя и находился в одрожающемся раже: я был сильно остимулирован, и оттого мог, каже, мог рассказать ещё с десять часов лекций, да решил свершить всё скорее формальной пятиминутной, оключающей в конце соревнование на планку разминкой; во обращениях ко мне многие даже уже бывшею действенностью глубоко кланялись, да я тут же прерывал то и кланялся в ответ: на шутки я отвечал шуткой, а на серьёзное вопрошание давал те ответы, которые мог дать; все были столь добры и честны со мною: так они отдавались происходящему, что и даже сам предмет, который, конечно, всё же в том вполне присутствовал, был не так важен: та человеческая общность, те свет и тепло во человеке позволяли мне весь день одевать во гладе за только редкими глотками тёплой воды: так во мне сокрушалось прежнее уныние, что я был готов продолжать: был готов рассказывать и помогать, пока не свалился бы без сил, да объективные способности мои сокращались: я становился невнимательным и непоследовательным, однако того никто не чувствовал; из аудитории мне удалось поговорить и с людьми образованными, даже докторами религиоведения, и те хвалили меня, даже иной раз остыжённою оставленностью возвышая во одного из значительнейших властителей дум, хотя кружок наш был довольно закрыт и никогда я не стремился образовать собственностные значимости для отдельных представлений: вероятно, религиоведы были довольны ещё и степенью условной объективности, что могла бы сказаться моим оговариванием особлений Тфальры, особлений её взглядов, кои я не озвучил из незнания положения совершенно новых людей здесь, что, впрочем, было довольно очевидно; во огасающих оранжеватыми огнями светах дня люди расходились, хотя делать то не желали: занятие заканчивалось, и оставался в том один Николай: один Николай, столь неоценённый и скромный, оставался без его внимания: он был уставшим и огрустневшим, хотя явны были его радости за происходящее: во тишине, которую он не полагал прочею ценностью во отнышних уколах моих, я смотрел на него с пять секунд: с пять секунд, после которых я подошёл к нему и впервые тепло обнял: я был благодарен ему, и он тут же огорячал неготовностью такого отношения: он пытался сдерживать плачь, да частые всхлипывания

оставались мне очевидными: чтобы прервать стеснённую такую чувственностью сцену, я предложил ему убрать стулья, на что он ответил, будто он уже нанял рабочих, часть которых выходила с пока неизвестной мне комнаты со бока ангара: я поблагодарил его и ещё раз обнял, сказав, как сегодняшний день был важен: подарок его сделает лекции мои в доме ещё лучше, и прежнее уныние моё растает, и говорил бы я и в том изнеможении ещё долго, да Николай сказал мне, что недавно Тфальре пожертвовал один из тфальристов большие деньги, и теперь целых полгода мы сможем раз в три дня полагать лекции именно в этом ангаре именно с помощниками рабочих и охранников. Попав домой, я непривычною праздностью объелся и тут же заснул, проснувшись уже ночью. Через неделю я уволился: я предложил Николаю положить пять с половиной месяцев лекций, тот относительно незначительный денежный промежуток положив на моё питание: так, я всё это время мог посвятить занятиям. Действие это было скорее импульсивным, и Николаю и в неожиданности принял это предложение: отказ от учительства был для меня крайним переломным моментом, однако то я не ощутил, с довольно холодной рукою попрощавшись и с детьми и с коллегами: многие отчаивались и даже плакали, да я ничего не испытывал: за эти пять месяцев у меня была задача: задача дать Тфальре то, что я не дал до сих пор. Признаваясь во сердцах, тогда я совершенно не думал, будто могу прожить долее тех пяти месяцев: так меня опьянила лекция в ангаре, те самоотдача аудитории и мои собственные, овышенные в том способности, что я не мог думать о будущем. Смутившая меня ткань со распечаткой Тфальры со временем стала даже приятна: мы любили её и лелеяли, и я даже почти не укалывал Николая в расточительности на то. Несмотря на кажущуюся невозможность того, людей становилось всё больше: многие теперь даже стояли или собирались совсем кучными сиденьями. Я не знаю, что применял Николай и как он находил людей, но я был ему благодарен. Благодарен, хотя и подозревал за тою опийственной радостью его обман: обман, что я сам не хотел обличить.

Желтеющие розовины белёсых восставленностей отпадений ото истинностей соревнующихся грозностями овершающихся долгостиями преведений форм однозначенно соревнуются ко мне, и ноги же мои: чувства же мои: способности юношеских бродяжнических составленностей: казалось, привычного числом чувства я был давно изъят ото одних способностей, однако: однако всё продолжают лекции мои, и уже третий месяц я остязуюсь должностями работ: и даже в том, что, впрочем, было изначально ясно и свершенно прозрачно, обнаруживаются во мне кажестии самых незначительных возрастов или; овисая ногами, я упираюсь о шаткую, едва вовсе причинённую стовестиям отнезожденным воправлений балку: окончивши лекцию и окончательно распрощавшись уже точно со всеми и даже с Николаем, такую неизменною продолжающим помогать мне и, каже, даже более, я обошёл ангар и нашёл участок почти отрицательной эксплуатации во обращённостях опахов

тоих подвальных омещений: чуть заходя в бетонное, огороженное оплесневевшими выветаниями лентами сооружение, я увидел остоящие полусгнившую твёрдостью широкие плотные доски, кои расположил во взаимном, всё ещё едва ли оходящемся ко приличностям собственных пользований упоре стен: незначительно орезавшись о грубости орывистых пустот, за которые сверху я ещё мог зацепиться, я выдающимся упорством состремился к верхну: одёрнувшись плечом, я положил себя к месту тоему и удивительностною ловкостию перебросил остальное тело к уже крыше невысокого домика: немного отойдя к безопасному месту, я сел и устался и нонешнестью в сторону ангара: рокочащие темнотою отблики заката во ангаре оседали во моих онемевших конечностях, и негрубости оболоч, каже, даже совершенно лишились любого омысла: я не думал о будущих лекциях, как не думал и о молитве, будто вовсе то уже не содержа в себе: кажется, сейчас же я более всего честен в исполнении молитв собственных и более всего создаю полезного другому человеку. Увольнение было действием самым неожиданным, однако быт мой очень скоро наладился. Николай отдавал мне часть с пожертвованных денег, однако я почти ничего не тратил во надежде продлить хоть немного возможности рассказывания лекций. Общий остов занятий, кажется, особо и не изменился, хотя за тем людей становилось всё больше. Сегодня я неожиданностию негодования даже заметил, как приходят на лекции с детьми, что, общем, совершенно противоречит любым целям моих занятий: вероятно, и не совсем противоречит, да есть явление довольно необычное. Теплота во лёгких моих особенно приятна сейчас, хотя и чуть восставшее во мне большестию обособления ото соседей одиночество моё часто обнаруживает номинацию инозначного явления молитвы моей, когда сам же я означаю то единственностию прагматического аспекта. Ем я всё скромнее: кажется, часто и вовсе забываю есть за энтузиазмом, за этим жаром оприятия: я не нахожу и желания есть, и потому волноценным постом то нельзя назвать, однако учитывать стоевостии моих изысканий нельзя; на лекции уже действительностною регулярностию ходят учёные, что даже неуверенною признательностию говорят о наших занятиях; многих смущали странные особления внешних свойств наподобие гигантской Тфальры за мной, да во конце все убеждались в благостиях деяний и моих намерений: чем больше стало людей, тем меньше вольности я могу себе позволить: вольности именно во значениях умствованных халатностей и недоработок; именно потому я не видел уже никаких возможных отклонений ото задуманного: всё я исполнял крайностию ясности ума и молитвы: во всём я видел Господа и во всём мне становилось хорошо: за хорошесть эту я нередко чувствовал иступлённую, ясно водеряющуюся одлительностиами вослабений Души вину, однако после чувство то облачалось во особенные усердия, и последовательность эту я не восчитал недолжной; вдохнув особенностию глубины воздуха, я спрыгнул: спрыгнул необдуманно и дерзко, почему во ногах моих ещё с минуту

гудела еле соходящаяся продолжительностями вопяний сердец боль: дойдя до края ангара, я обернулся, и ангар этот: место это казалось таким близким, таким простым и спокойным. Чувствительнее всего человек, что стремится избавиться от Беса и пойти путём праведным, часто чувствует именно коренные изменения в обществе: даже в мире, если масштабы дальнейших событий и справедливо определить любой отношённостью ко любому явлению. Никто так и не узнал, почему и отчего то произошло: то совершенно выбивалось из должновений действия: то не должно было происходить, и происхождение это стало обухом даже самым структурам жизней моих, однако то свершилось. То свершилось и продолжилось на полгода. Полгода, что я был заточён в дровах вопалившегося иначностью соверевающейся грозностями стен отодеянностей вершений оболочки черноты бетона.

Работа моя вношнестию весьма заурядна: прерывающееся на физические занятия сидение за ноутбуком редко сменяется непрочностью иных действий, и во действиях этих я всегда обываю должностии ветров, запахов окон и чуть просачивающихся долготами велений деревьев. Я знал, что Николай мне в чём-то врёт: я не мог этого не знать, и потому ум мой, кажется, предполагал только самое безобидное из возможного в том: я думал, что из собственного кармана он тратится на рекламу, что вложения его материальные прекрывают иные приличности: то было мне страшнее всего, однако ложь я не мог считать справедливым. Мне казалось, что все знают, в чём мне врёт Николай, да я никого не спрашивал: я видел приподнявшиеся желанностями восклицания верхние губы, однако: однако я ничего не спрашивал. Я ничего не хотел знать: может, я и боялся узнать что-либо.

Лекции проходили. Я читал, переписывал, думал, тренировался и читал. Я молился. Я трудился. Каждое мгновение жизни моей было ополнено смыслом и должностью. Тфальра росла. С ней рос и я. Я становился с каждым днём лучше как христианин: с каждым днём всё прочнее во мне было чувство, будто я тот, кто имеет право назвать себя христианином. За время Тфальры и во самом основании его происходила множественная, часто повторяющаяся одурственностями скорее случая глупость, однако я не сдавался. Каждый день. Каждая минута моей жизни была частью плана. Никогда я не был так глубоко и ясно счастлив, как сейчас: сейчас, когда на номинированное отдыхом не было совершенно нисколько времени: сейчас, когда ответственность во мне полагалась предельная: сейчас, когда тела мои: когда здоровье моё здоровее иначных же. На лекциях присутствует по шестьсот человек регулярно. Некоторые также приходят только после: чтобы задать вопрос. Воявлялись во делениях тех странности, когда отдельные люди вовсе не ходили на лекции, однако отчего-то предлагали мне дать им руку для поцелуя, от чего я пролетарскою небрежностью к нежностям отнекивался; были и те, что словно не слушали, хотя те и не были резаками: они одно, каже, молились: просто находились на стуле, и против того я также крайностями волий не

выступал. Общем, я и не имел права выступить: тфальристы есть такие же люди, как и я, и потому я одно могу предположить: предположить, дать или предложить, однако не наставить окончательно. На лекции стали приходить студенты: умы совершенно свежие и даже излишно рискованные, однако трепет их всё же обличал действительности внимания ко делу. Ответы им были мне особенно интересны. Николай всегда сопровождал меня влюблённою улыбкою, а дмитриевцы действительно стали чем-то наподобие частной охраны. Дмитрий же покойно был всегда рядом: он помогал иногда не менее Николая, однако всегда находился в тени: его монструозный размерами облик, кажется, даже увеличился: мрачные глаза его чернели пустотой ангара, однако он был хорошим человеком, и то я знал.

Я находился во пределениях радостей. Уже довольное количество лекций и ответов я произвёл крайне довольному числу обычных людей и тфальристов: я был просто рад: просто доволен своими занятиями, однако: однако нельзя было не отметить, что я действительно приближался к истине: казалось, времени, что мне отмерено тем добрейшим меценатом, я сумею свершить переворот: я чувствовал: я чувствовал что-то новое: открытие, совершенно новое нечто, да...

Окончивши писать, перед сном я обратился к новостям. Через восемь дней я отпал ото интернета и любой информации вне Писания и молитв на целых семь месяцев. Я хотел разбить ноутбук: я хотел антропоморфизировать его наличность ото субъектностей тех знаний, однако я не смогу. Каже, не впервые я увидел и услышал смерти: не впервые я столкнулся с тем и в нашей стране и во ближайшие лет пять: то было даже частично заурядно формульностью заведомо известных форм, однако: однако так всё сложилось: так всё совпало неожиданно: такую неожиданную гладкостью всё сложилось, что я был сокрушён: я был опарён гнилотами болезни, и болезнь эта пожрала меня навсегда.

Отравевшиеся телесноприпадённостноеными ворениями пестревающих злечениями дубевавшихся, опрастившихся ожелтовинами восстающего ко значающимся дростенностями вопарившихся темнотою входящейся ко гурбностям вотнепрекратимых становлений присоставляющегося одолженностями штурмеющихся опланов овёрнутых окончательностями шумов вождеющеся угулениями приставающих ото лдяностей оставляющхся зобностями сорешившихся иначнопоможностными остремлениями падаевшегося охранённостью неоткрываний ото решённого ооскабленностью смешившихся тяжёлостями первобеленных наречений пешеваний преходящихся простенностями наделений довшееющихся ко рязинам остевений прокупающихся гостенностями лозеющихся, припадающихся ко решениевосставленному древенению окрошающегося, дубеющего восполненностями воявившегося оставленностью человека-де во шевелениях преливающейся готовностью воречения истин особственных цеведений ополненностей

решившихся назначенностями вовелевающихся прочностями отелесневевших зудов
вотравившихся горевиями ласканий оздушных, устроившихся здесь жаблениями воявившихся
хоревистиями вопоминаний третиэповлечённых, ластеющихсч ото вособственных чернот
возрастившихся тою же свештённостью озвучания свеняющейся оплотнениями
совершившихся жестениями вношнеузнанных положенностей вопиявших ото
нонеставленных гашений совивающеся крапинами всталенноестных различнодарственных,
свестеющихся дожениями свестяющихся доления обухших пиохевными язвинами трещин ко
рубеностиям отнепривелевшихся здравенностью одневновопытанных крещений
оцерковленных таинств во ложбинах тел инородных скажённых-де во оростах
пришевеливающихся долженностями невмеченных, оздавшихся орядочностями
приелевенных жостениями окереющихся чубаниями оставленных плотностями
неучитыванмй же оединственных сил церевот знаний нарицаний оспалений кож краснот
развитий планов слизи рельс телес материи древ совешений прерываний горячей осадков мест
ложбин желтизны чувства времени постений горев истин скальпов влияния взора восстаний
ростин рокотов черноты дел движения смерти видов освобождениям омрака плотей розовины
во одолжаниях Тфальры-де и занятий её ото глориановых, состоющихся предающимися,
возвучающимися ко белениям овершившихся, должновенных орядочностями оставеющихся
зовечённостью преходящего гладкостиями одлежных плоскостиям обращённостей же,
опавеющихся означностями уродств во человеке ото несовышеенных делений обмясных
кровочтенных улыбаний тела востевающегося ко перешвеющемуся гурдяностями
приставляющихся долготными положенностями крevedившихся плотностями успений во
оживлениях содевившихся жердений пребывающихся оправениями орокучущихся,
достевающихся древяностью орываний воложившихся чернотой возбухших-де совечений
искристых составленностей ворешившегося ведениями оставеющихся, значивающихся
омыслами временепродолженных вопалений отравленной, свершенно изъятой во мгновения
те достениями значивеющегося, редко ударяющего хлипкими глухотами немоты во
опрестенных же неприсутственностях осевшихся ястеностиями вобавления
овечносокроенных присутственностями сошевеливающегося назначенностью
устремляющегося во галлюцинацию темноты ото блесков холождающегося горячими
побреведившегося оспами оследовавших жарностями овершающихся прочтённостями
свесившихся-де ласканиями проказившихся долготами наречений во тоих же свестениях
оправившихся дрожиями синхронизаций ото отлишенного восставания грубот
вопьянствующихся озвучаний пристающихся оплаченностями нашлеющихся славностями
непрекращающихся, опревеющих человеконаделённостии вознамерениями ото гурдяностных
неставлений означающихся причинённостии попадающихся, казившихся плотиями

несостественных же нетравлений сходящихся оживлённостями тишины преливания приставляющегося во материи ровненностях экфрастических же настений дубений отяжелевшего, кревеющего остроенностями сопревившегося газовостями озвучившихся жирнениями неохожденных введений во ведениях пребившихся размерностями иначновоставленными во продолжающейся гуляниями остоятельно вестеющейс дуренностными же ряботами прилевшихся хождённостью присутствий вопарившихся одле отшибностями лостеющихся зобами уродств человеческого ото мги комнаты моей во полоодовые те ужасы, свершенные, еревшиеся случайностями восставаний проказившихся хрипотью еле стяжающихся ушами во воздушностях олёжанностных возложений белений должновенно привелённых шепотливостью злокачественного, проставляющегося ко человеку ото мги черноты смерти неверия тоего во-де нароста телес окриков усилий становления темноты комфортов мест отрав тени тишине гор настений пренаселения бетона озвучка опаживаний движений горений рокотов блаженств колебаний зевений принятий убиений уколов ада бреда вида осна тел кож оправления Души престений окончания оправленностями наделений ото где глаз оружий хладов дрожей отдыхания гулов сокращению вохождений вочитаний света вопоминаний щедрений ударами перламутров.

Одиннадцатого апреля произошёл теракт: точнее, один из крупнейших во страшной последовательности терактов. На протяжении недели во каждый день происходили массовые расстрелы и поджоги внутри жилых домов и торгово-развлекательных центров. Во первый день произошёл налёт дронов к двадцатичетырёхэтажному дому в Санкт-Петербурге. Перед налётом к дому подъехали четыре машины: двадцать три человека расстреляли за час около трёхсот жильцов, также примерно сотня человек выпрыгнула в окна со значительной высоты и погибла. Мужчины были без масок и в хорошем вооружении. Действовали они холодной рассудочностью и чёткою слаженностью. Они расстреляли находящихся на первых этажах и заставили входы к подъездным помещениям. Их чёрные, чуть остукивающие по горячей твёрдости оширившихся трудностями сохождений тоих-де полов обуви возились в крови и иногда выбивали двери осамостностною усиленностью. Те же двери, что не подчинялись, они открывали после остреливания замков. Квартиры вскрывались так легко, что террористы даже не одавали квартиры последовательным вниманием. Они вскрывали квартиры одного этажа и выжидали: редко жильцы выдерживали более минуты: обыкновенно они начинали истошную непоследовательностью вопить, неизменно рыдать и случайно ударяться об мебель в попытке скрыться от террористов. Когда террористы слышали звуки очевидно человеческого происхождения, они непродолжительную уверенностью забегали в дом и стреляли в головы жильцам. Никто не смог и не решился оказать сопротивления. Многие жители начинали вести прямые трансляции. Самой известной из них стала следующая: отец спрятался с дочерью,

оставившей на трансляции телефон в коридоре, внутри ванной в ванне: примерно тридцать секунд сохранившейся записи состояли в молчании квартиры и оглушающих, раздающихся вне неё выстрелах: после того раздался оглушительный нечеловечн тупизною выстрел и удар ногой: внутрь коридора влетела входная дверь, рокотливо ударившись об стену и содрав упавшую, обложенную ложностью озлот картину; десять секунд были слышны выстрелы в уже открытом межквартирном помещении: звуки отдалялись, однако стал слышен еле соходящийся к неподготовленным ушам плач: выбежал отец: он закрыл дверь в ванну и, кажется, хотел закрыть входную дверь, однако столкнулся напрямую с террористом: тот случайно подходил к дальним квартирам и опешил на одну секунду, возникшим кверху совершенною нечеловечностью содеянного раньше, никак не возмещающегося одле твёрдостей поступка человека решения автоматом выстрелив в живот. Отец чуть отлетел, плеснув кишками в сторону положившегося под небольшим углом телефона, с несколько мгновений одёргивался в ударяющей по безмолвию шума стрельбы за входной дверью дрожи и умер. Террорист еле слышным шевелением развернулся и даже почти вошёл в межквартирный проём, однако дочь завывала. Неизвестно, могла ли она не завывать или может ли человек во подобной состоянии сохранить тишину реакционностью недвижения особенного, однако она завывала. Завывала она уродливо: воем бухнувшегося кишками кита: взыванием оранившегося гнойностью оспалений слона: окриком знания скорой смерти. Террорист уже бездумным вбежанием открыл дверь в ванную, навёл к груди автомат и, видимо, совершенно случайно причинил свой взгляд к направлению камеры: лицо его было холодно. Оно было расслаблено. Даже излишне. В нём не было сомнения и испарины вины. Тогда трансляция сняла не человека: то нельзя даже было назвать зверем. Человек этот убивал. Убивал без каких-либо размышлений и сомнений. Он убивал. Он стрелял в ближнего. Он знал, что сам умрёт. Он знал будущие планы. Он знал, сколько страха и боли вызовут их действия. Он был военным. Лицо его было Лицом военным. Человек этот не существовал. Он был лишь функцией. Страна, обеспокоившись общим напряжением населения, ввела обязательную армию. После срок этого заключения снизился, однако всё осталось прежним: чтобы мужчина не обращал внимание на самодурство властей и был государству приятнее, его удобно сослать на годовую каторгу. В тюрьме он окончательно отупеет и, вероятно, будет избит и насилуван. Тюрьму эту прозвали армией. Армией, стремящейся якобы оздать хоть какие-то ресурсы: ресурсы, которые страна воздействует во всём мужском населении с самой гадкой выученностью сотрудников военкомата. Люди эти, вероятно, имеет ещё меньше человечности, чем военный. Военный давно отказался от любой славы быть человеком. Сотрудник же военкомата мыслит себя человеком, хотя и едва ли есть простая задача обнаружение подобного уродливостию души человека. Военный есть функция, но не человек.

Террорист этот оглядел в камеру, и лицо его не было страшным: оно не было оттенено особенностью черноты или оспалениями краснот: то был совершенно такой же мужчина, каких в тот день девочка могла видеть во изрядных числах. Запись заканчивает тем, как мужчина этот выстреливает в телефон и удивительностию скорости начинает перенаправлять автомат к ванной. В день трагедии погибли девятьсот тридцать шесть человек. В новостях говорили об этом числе нехотя, однако говорили. В стране началась массовая паника: каждый испытывал тяжёлую нутряную оторопь, и никто не мог в то же время быть уверенным хоть в том; все массовые мероприятия были отменены, а въезд и выезд из городов стали сопровождаться обысками. Новости стремились транслировать происходящее всё менее, однако за эту неделю трижды известные ведущие выступали с речами, которые прерывались отключениями трансляций. Все были, кажется, подготовлены: все знали, что при возникновении опасности их эвакуируют, однако мысли эти повлекли только дальнейшие трагедии. В следующий день в Нижнем Новгороде внутри торгово-развлекательного центра начался массовый обстрел посетителей. Через час он был подожжён. Погибли сто шестьдесят два человека. Информация эта оглашалась в новостях, однако население не знало объективной правды. В следующей день в Чебоксарах также произошёл теракт подобных последовательностей. Погибли сорок один человек. Информация официальная. В следующий день был подорван с основания пятизвездочный отель в центре Сочи. Погибли все. Более новости ни разу не означали число погибших. В следующий день были подорваны два высотных жилых дома в Новосибирске. В следующий день в Сургуте произошёл теракт в торгово-развлекательном центре. Удивительно, но в отдельных городах продолжались их работы из стремления владельцев к выгоде. Работа эта продолжалась почти подпольно, однако и без того террористы расстреляли всех посетителей, не успев поджечь здание. Все, кажется, знали, что произойдёт в седьмой день. За эти шесть дней население России было ввергнуто в совершенный ужас: окромя дрожи, в трусливых, справедливо испуганных лицах людей звучали одно оскорбления ближних, удары во политические и конспирологические теории и ясно кощунственное чувство свободы: после этих шести дней также произошёл экономический взрыв в сфере наркоторговли: прежде смелые сильные, трезво мыслящие люди перестали ходить на работу: в тех истериках смен деятельности работодатели не успевали трезво оценить ситуацию, и потому части рабочий они наказали приезжать на рабочее место, после чего их спешно оттуда отправляли обратно, когда другая занималась совершенно дурственной и ненужной задачей удалённо; позже явление отказавшихся от работы взрослых людей в сторону наркотиков прозвали предсмертным хипстерством; многие оставались ночевать на улице: во единственном месте, где пока не ожидалось терактов и где не было слышно кровоточащего ужасом гула человеческих воплей; страна погрузилась в ад:

бессильное ударение во сон подле почти суточных чтений новостей по поводу прозвали нижегородской бессонницей. Настоящий же ад оследовал в последнем теракте: седьмой теракт произошёл в Москве. Одновременно в двадцати местах. Были подорваны с оснований шестнадцать высотных жилых домов, был подорван Космос, произошли массовые обстрелы в трёх торговых центрах. Ни один из них так и не был закрыт. Москва утопла в крови. Весь следующий месяц интернет состоял только из видео: видео, где на асфальте лежат целыми маслянистыми грядами трупы упавших с верхних этажей торговых центров: видео, где под обломками кричат остатки человека: видео, где ребёнок без руки бежит к оператору и был после разможён остатками обвалов: видео, где террористы обстреливали лежавших кучкой людей: видео, где пробегающие мимо люди видели, как кто-то ещё двигается в этой куче, да убежали прочь: видео, где некто тащил тело товарища, однако был после застрелен: видео, где на шлейфах эскалаторов люди прятались и падали во попытке спастись от стрельбы: видео, где звук выстрела: выстрела, изначо оглушающего: выстрела, раздающегося глухою звонкостью во болезненностях своего оставания. За месяц этот президентские выборы приобрели совершенно неожиданный оборот: кандидат, имевший менее всего голосов, был первым и после стал президентом: ужасающая темпами политика первых недель его была направлена на усмирение волнения населения, и через полгода люди будто и позабыли о том: позабыли, однако прежними они уже никогда не были: никогда они уже не смогут отреагировать шутливо на отыгранный внешним носителем звук выстрела: никогда они уже не смогут улыбнуться прежней улыбкою.

В полгода эти были отменены лекции и любые совместные занятия Тфальры. То стало страшным ударом для меня и изнутри, однако страшнее было ото новостей. Через месяц я совершенно ослаб и слёг с лихорадкой. Ещё два месяца я не мог покойно спать и большею частью читал Писание и молился: молился православными молитвами. Мне было страшно и плохо за происходящее. Теперь мне даже тяжело вспомнить подробности ошедшего: теперь кажется, будто всё то было сном, однако всё то происходило в действительности. Я очень многое упустил: я очень многое утерю и во многом стал сам ограничен, на что не могла не повлиять произошедшая резня. Полгода эти я едва ли жил, и даже забавно, что по окончании общей тревоги я и излечился большею частью. Я сильно похудел и ослаб: более я не мог выполнять даже гимнастику, поскольку тут же мне становилось дурно и лихорадно. Так я впервые отошёл от общих практик Тфальры. Я не знаю, что происходило и что произошло. Полгода эти я и всё население России положилось в ад. Я не общался ни с Дмитрием, ни с Николаем. Редко мне приносили еду через отверстие, которое я выдолбил отвёрткой в самом низу двери: последние четыре месяца я справлял нужду только в передаваемых кем-то извне сосудах. Вероятно, то был Николай: вероятно, он даже что-то говорил мне, однако я не мог ни

слышать, ни слушать его. Я молился, и только молитва звучала во мне: я молился, однако нельзя сказать, что за полгода эти я не отупел: я едва ли мог теперь находиться и слушателем на прежней лекции своей. Когда мне стало лучше, я вышел ночью в коридор совершенно голый и в полубреду сохотившейся ко уму моему темноты выливал в туалет все бутылки и вёдра мочи, какие не решался отдавать вовне. Я не знал, следят ли за мною, однако надеялся, что не следят. Пил и ел я очень мало, дабы в комнате копилось меньше моих мочи и испражнений. Закончив выливать всё, я оказался упавшим на лестнице. Точнее, мне о том сказали. Оказалось, все соседи мои проводили долгие часы за ожиданием меня у двери, и все нагие хождения мои они видели. Волосы мои со главы доросли до рамен моих, а случайно орастившаяся и прежде брада моя стала укалывать грудь. Полгода я не мылся. Полгода я не существовал, и ото того-де.

Бездвижною молчаливостию я нагим сидел на общем диване первого этажа довольно продолжительными десятиминутиями: сидел и видел, однако не мог ничего услышать: мне говорили очень многое, однако я ничего не понимал: многие восторженно обращались ко мне, хвалили за какой-то пост во славу умерших и чуть поглаживали отстраняющиеся самопроизвольно руки мои: говорили они совершенную ерунду и глупость, и я даже хотел бы не слышать их, если бы и за тем понимал хоть десятую из говоримого. В дымке бреда этого возник Николай. Он посвежел и стал радостнее. Еле оглянувшись, я понял, что и все соседи мои также стали только более светить обликами жизнерадостности. Николай ждал этого: громогласным обещанием всех он собрал телефоны, встал передо мною на колени и один час молчал. Молчал и я. Я не умел более разговаривать и мыслить. После часа этого кто-то позвонил Николаю на один из его телефонов. Первым, что он сказал именно мне, были слова, как тфальристы, несмотря на запреты, каждую неделю собирались в том ангаре и молились православными молитвами. Молились ими потому, что Николай передал им, будто в своей аскезе я также молюсь ими. Я промедлил с пару секунд, однако неподготовленную сухою хрипотой хоть сколько-то возмуженною во тех болезнях своих гневностию всё же прикрикнул на него вопрошанием насчёт растраты всех денег того мецената. Николай опешил и еле заметно хихикнул. Он сказал, что меценат этот пожертвовал ещё столько же и что мне не стоит думать о таких мелочах. Во момент этот мне стало особенно противно ото себя: растрачивая чужие деньги, я позволял себе проедать пожертвование: пожертвование, что, кажется, было возвещено одно в стремлениях помочь мне: в стремлениях продолжить Тфальру и нашу веру. Мгновение это отрезвило меня: помогло отойти ото полугодичного болезненного бреда: я остыл своей наготы. Я поспешностию неловкости накрыл свой орган случайно попавшейся к руке подушкой и начал скороспешно извиняться перед соседями: когда я начал говорить кажестиями прежних твёрдостей, в глазах их заиграл свет. Когда я уже наступал на

первую ступень, я услышал от Николая, что резаки стали большею частью тфальристов и что он даже был в то недолго вовлечён, теперь уйдя: я повернулся к нему, осмотрел на предплечье его жирные мясистые рубцы от порезов, которые он никак не скрывал. Николай улыбался мне и был рад. Не знаю, понимал ли я всего тогда ото вида его дорогих, очисто выглаженных одежд, однако при общем молчании я почти шутливою грубостью сказал, что ненавижу его. Слова эти стали больны и мне, однако через пару мгновений, когда я уже прожнестью скоростей поднимался, я стал слышать самый драный из слышимых в жизни своей вопль. Николая с тех пор я не видел очень долго. Одевшись, я спустился. Я встретил Дмитрия. Он пожал мне руку. Только он, думается, из всех стал мрачнее и темнее: под глазами его образовались ещё более тяжёлые мешки, а фиолетовая чернота округ глаз образовалась всё дуже. Он недолго промолчал и обнял меня. Он сказал, что Николай действительно много сделал за это время, однако теперь он не сможет меня видеть. С этим я смирился. Дмитрий мужественным уважением Николая попросил меня допустить нововведение, которое было сделано очень давно и готовилось к моему возвращению. Теперь на тех гигантских тканях подо Тфальрой полагался флаг Тфальры, который Николай и в последующем я прозвали просто Флагом. Дмитрий протянул лист с рисунком, однако я не стал смотреть, позволив оставить то. Тогда я не знал ещё, что на машине довезут меня до прошлого ангара, куда уже пришли тфальристы и где уже висел этот флаг. Флаг состоял из геометрических обратномерспективных прямоугольников, соединённых прямыми: сверху прямая внешнего прямоугольника обрывалась: оттуда выдавалась фотографическою схожести жирная, осширенная во чёрнобелостях изображения нога, заканчивающая очевидно неправдоподобным мясистым, приделанным уже оверх срубом, во нутряном же прямоугольнике справа виднелся рот той же фотографической гротескной техники, слева полагался ряд из мультяшного глаза сверху и примитивно оформленной чёрной звезды, ещё чуть левее был отработанный чёрным контрастом пошарпанный старый орнамент. Флаг я посчитал вздором, однако решил оставить, озрев поступок с Николаем своей совершенно несправедливым и дурнотным, до чего я дошёл уже во время поездки на машине. Ангар был представлен неизменностию своих запахов и размерностей, однако сами тфальристы выглядели иначе: я не мог не замечать порезов на их руках: порезов, что были гораздо серьёзнее и тяжелее, чем бывшие игры резаков; то меня сильно огорчило и привело в непродолжительное уныние. Главным же отличием было то, что тфальристы уже не сидели на стульях: все они опирались друг на друга, телами ложась на принесённые, видимо, заранее коврики. Тфальристов было гораздо: гораздо больше. Число их не одуряло, но казалось безумным. Я и отдалённо не предпринимал попытки сосчитать их, зная, что за ангаром стоят толпы ещё очень многочисленных людей. Преходя со сцены, люди, кажется, не узнали меня:

почитали то вздорным и неправдивым, однако подле нескольких шепотливых, оглашающих моё явление окриков тфальристы словно перестали дышать. Я похудел на тридцать килограммов, а лица моего уже почти нельзя было различить. Я, подобно им, сел на пол. Ко мне подбежал Дмитрий с ковриком, однако я отказался. Случайною подвижностью я съединил правые указательный и большой пальцы. Так же сделали все остальные. Я было хотел отказаться от этого, однако понял то слишком поздно. Полтора часа я молчал. Я почти заснул. Я был во продолжающемся снова бреде. Я был в лизорадке и болезненности. После того я всё же собрался неосязанием осходящегося ума и начал что-то говорить: по прошествии говорения я уже не мог сказать, что я озвучил и к чему вёл, однако полагающиеся в ангаре, видимо, были в совершенном восторге. После того я говорил со всеми желающими лично, да мало из того я уже мог воспроизвести и вспомнить. Я действительно был болен. Мне были необходимы сон и еда, и потому во время ответов я также устроил непродолжительную трапезу. Во время одного из ответов я уснул, и меня отвезли домой: то я узнал также из вторичных оглашений. Сам же я одно очутился дома после того. Когда я подал признаки жизни, со открытой двери комнаты ко мне зашёл Дмитрий и сказал, что лекции будут пока раз в неделю, однако будут: он не требовал плана лекций и прочного: одно присутствия, однако уже на следующий день я восстал прежними силами и стал оперво преходить к приготовленному ранее материалу: я одно учился заново пересказывать и читать свои работы, однако все из тфальристов, приходивших смотреть на то не только из числа моих соседей, осчитали то совершенным чудом. Кажется, все верили, что вчера я умру. Медленною верностью я возвращал прежний темп лекций, и уже к концу месяца я проводил три лекции в неделю. Тфальра снова обрастала новою интенсией: тфальристов было всегда очень много, однако уже не столь же, сколько было в день, когда предполагалась моя смерть. На каждой лекции была одна тысяча человек или более. Число это говорил мне Дмитрий ко завершениям ответов, однако то я не признавал, лишь продолжая избранную бывшестью векторов дело. Кажется, нечто надломилось во мне. Нечто надломилось во мне, и более я не мог относиться к человеку человечно, хотя и был во способности прочитывать религиозно-богословский материал.

Адам, где ты? неужели ты окрал смоковья во пошлеющихся непризнанностями должновений войн своих убийствах? Смерть: смерть не имеет сходности с иным земным деянием: смерть тяжела, чётка и неразборчива: смерть ударяет малость человеческую, и малость та была так незначительна, что удар этот оказался совершенно иным, он достиг того качества, что никогда и не востремлялся сопутственностями означающего хоть сродности тоих экстенсий рассудка: смерть ударяет, когда человек истощается, когда тело его истратило тот запас свой прежний, и даже прежде: даже раньше ты прекрасно понимал, что не сможешь

прежить той боли, что некогда переживал: ты понимаешь свою слабость, своё обмягчения: оробевшиеся освойственной изнемождённостью тела: именно тела, именно приспособленность ко уязвимому, хотя и принадлежащую качественностями отношений ко Господу духу: ты знал тогда, что не переживёшь прежней боли: что, придя ко тому, ты просто схлопнешься: ты провалишься, нырнёшь во смерть, поскольку тело твоё кончилось: Грех твой был искуплён запасами тела: Грех измерился в том, сколько боли ты сможешь выдержать, и несправедливость не могла быть допущена: раз ты выжил: если ты допустил свою жизнь в этой боли, ты достоин ещё многого: ты должен ещё во многом умножить грех, хотя и грех тот во себе ты вынужден изъять, как Адаму было позволено изъять ото вомысла о корысти Господа. Смерть долбанула. Бахнуло смертью. И ото смехотворности форм слов этих корёжится проставшееся свисающими маслянистыми жирными тонкими, слипающимися пребыванием со стекающим мозгом кож лицо: и так туп этот взгляд: совершенно смешон этот взгляд, эти глаза: обухшие желтизною надрывами, только отдалённо схожие с прежними аккуратными, даже достойными вроде и пренебрежения отне прежних празднественных отношений своих пятами опухоли. Эта смерть бахнула; бахнула непоследовательно, немучительно и безапелляционно, как вырывается обычно устное слово: это неприглядное, резкое во отношении ко ситуации слово: я никогда и ничего так хорошо не расскажу, как ветреною случайностью напишу: я никогда не смогу сказать о своей Боли, я никогда не смогу речью устною означить нечто важное: вероятно, во окраенностях специальных осложнённостей формата ответа я бы и сумел: я бы, может, и смог бы сказать нечто, однако я делаю всё, окромя слова: Адам не должен был вопрошать о жене своей, и никогда Господь не мог Говорить, ибо мог Он только Писать Словом: он был лишён несовершенства, он никогда не мог допустить рождение допускающего совершенства вне отношённости ко себе во величинах Светом во человеке; кажется, людям нравится мой слог: кажется, частности его сложности и видятся им мудрыми, и во делах же никогда я не отходил ото реальности притчи, никогда я не склонялся произвольно ко чёткости манифестальности: никогда я не изводил себя этой жуткой, рождёющейся одно отне самостей приспособленностей ко вношнесу условностью, никогда я не изымал прежней цельности ото речей своих сознательных, однако всегда говоримое имело распадение: внешне совершенно незаметное, мелкое и даже смешное во озвучивании объектов своих действительностей, однако очень редко был я доволен лекциями: я продолжал их вести, реальность моя облеклась во совершенно неожиданные новины и отне лишённостей новин тех, однако не была речь моя хоть отголоском письма моего: письмо же принималось тфальристами, каже, именно как православная молитва во рецепции современности: внешняя неясность срабатывала во главное положительное качество своё, и связни со знанием Целого объявлялось всё прочнее: прочнее, чем во пониманиях их

оречённых, когда одно то они рассудком и понимали, и дело было даже во чуть другом: в, каже, чём-то незначительном, в пристрастии вполне известного качества, однако качества совершенно иного. Тфальристы видели в лекциях моих проповеди. Они ещё не облекли проповеди во части отдельностей веры, однако я подмечал это: подмечал, кажется, и раньше: подмечал и видел ещё с первого обращения Николая, однако то я выдумал очевидности неправды о том, то замыливал собственными внимания самыми различными восстаниями дела. Я продолжаю лекции: я продолжаю их даже в экзистентности, однако. Человек чувствует страх, его пожирают: его жрут болию, и обособление же в краснотех тех... единственности человека... столько дел, столько действий я совершил, словно и не делал совершенно ничего: словно я во бреде, во сне, что ли... Кажется, так полно было моё возвращение, так истинен был возврат мой, и столь же сильное различие всё имело с прежностями того полугодия, однако: однако главным, чем я мог бы по прошествии недель описать своё возвращение: с чем бы я мог сравнить свою жизнь, чувство и состояние души: то... кажется, то именно сон... совершенный бред. Дверь открывается, и причиняешься ты к ней: тянешь ты её, однако: однако дверь открывается в иную сторону, и сторона эта тебе недоступна.

Когда вхожу я в ангар, людей в нём уже довольно, и люди эти все приготовлено: состояние то, несмотря даже и на мой энтузиазм и освоенное вновыоказавшимися ко предмету дел наших деньгами торопление, ощущается мною искусственным: ощущается то вымученным и выработанным: то остаётся согласованностью рассудка с формой, то условливает идеальное с настоящим, и давит: давит эта тяжесть на эту мягкость; время до подъёма на сцену обыкновенно происходит довольно отрешённо ото находящихся рядом людей: многие проявляют и нездоровое стремление быть ближе ко мне, и ото самых немощных, ото самых честных глупых безоисходных вопрошаний оходятся явления вовсе безобразные: иные тфальристы пытаются коснуться меня и погладить: они почти бегут ко мне, однако дмитриевцы работают удивительно слаженно во своём физическом волонтерстве: ещё ни разу мы никого не выгоняли, да... да время вязнет, и время... и люди... в ангаре не так уж много света: безусловно, сцена ясна, ярка, и меня видно во ней замечательно, да тяжелее всего во выступлении есть неощущения прочего присутствия, когда, каже, всё говоримое из говоримого адаптировано и условлено до такой степени, что неслышание будет уже оскорбительным: не столь из усердия моего пустоошедшего, сколь из того, что произнесение нелепицы этой даже и не имело оправдания; всегда мне важно было видеть аудитории, ещё во время учительства моего, да теперь без того я не могу совершенно, и даже с тем; лица положившихся на периферии света, подле стен, стягиваются краснеющей во глаза и ртах их темнотой: они слушают, и слушают внимательно и иногда даже вдумчиво, да лица их: их недвижимые бесчеловечные лица уставляются в меня, и серость обшарпанных, прокажённых

частыми царапинами и обоениями напоречившихся телесностями оболочающих толстые, причиняющиеся металлическим штырям дыр мест стен свисает над человеком, и во тишине этой каждый шорох, каждый звук отдаётся десятикратно, и шёпот длинного, ополненного дешёвой жёсткой, да за тем окрашенной цветистыми избыточностями неуместных сохощённостями общих зленений пестрот тканью платья матери с посапливающим спокойственностью вочедений ребёнком оминает слухи мои невнимательностями орождений, и касание салфетки потного лба небритого, стоящего на коленях, случайно оголившего произвольностями несмышляний красные, срубцевавшиеся совсем недавно тканями наворощенноостей тоих шрамы мужчины прихлюпывает близинами о мне, и выходящие: выходящие с ангара люди... очень редко кто-то выходил окончательно, да довольно часто тфальристы уходят в туалет: я прекрасно знаю, да и все, кто принадлежит к кругам Дмитрия и Николая, также понимают, что туалет в ангаре закрепить нельзя по техническим причинам, основания которых мы не обходим по причинам чрезвычайно ограниченного бюджета; оттого люди, что перебрали во жажде и обпились ото жара и сходящегося в горячениях отдельных, отчего-то также обогреваемых со пола ещё излишне и во той положенности, где вентиляторы на стойках возможно поместить только на сцену и близ сцены, мест слушательских ангара пота, люди эти: будто и хорошо всё, и будто всё правильно, они привычною незатейливостью выходят из ангара чорез скрипучую самоепринятостями их условий оздешних ото убытка телесного ко убытку душевному дверь и идут в лесок, остоящий к одной из сторон ангара и состоящий на деле изо только нескольких довольно редко положенных деревьев, и во стороне той после каждый занятий наших даже и непрестанным внимательностью нашей взглядом оказывается довольно множественная рябота белых пятен словно и соструктурировавшейся положенностями недолжновенноостей тех туалетной бумаги; хотя и можно: хотя и справедливо порой наделить ангар значимостью места сакрального, профанное в нём отяжеляется даже и грязью невозможности организаторов соорудить всё должным образом, и темнота омрачившейся тяжестими вооблачившихся действительностями прокажающихся ужасами начтевшихся молчаниями бесполоевых телесноостей пробивающихся ото того усердностями полнот чловеческих гадосте предметностей галлюцинаций новин вязи его: мрак ангара сбывается светом трибуны моей, и гигантский символ "Тфальры" овышается над тем, и зловещий: гнилой призыв слов моих порой отяжеляется, да хороший лектор: хороший лектор должен быть плохим психологом, дабы не сойти со цели и хоть дорассказать лекцию.

дмитриевцы начали агрессивно распространять листовки которые напечатал николай с того что сделал тфальристам гг; гг был не против, но начались проблемы с помещениями:

николай устроил сказав что это его друга ангар где гг вел лекции: оказалось, что с каждого нового члена тфальры дмитриевцы и николай без ведома дмитрия брали деньги, на что и всё это устраивали: был серьезный конфликт после которого дмитрий избил пятьдесят своих учеников и николая: видя это, у гг произошел срыв, и его хотели уволить: придя в школу, к нему относились снисходительно, но он на всех накричал и закрылся в комнате на сорок дней, ни с кем не говоря и почти умерев от обезвоживания: он сильно похудел